
Развод
с генералом.
Муж твоей любовницы
пригласил меня
на свидание
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Развод с генералом. Муж твоей любовницы пригласил меня на свидание

https://litres.ru/74715048
SelfPub; 2026

Аннотация

— У меня другая, Наташа. Только давай без скандалов.

Двадцать два года я была женой генерала. Пока я выбирала гостиницу для нашего отпуска, Виктор уже снял квартиру, встречался с любовницей и продумал наш развод. Мне оставалось лишь принять его решение.

Через несколько дней мне написал незнакомый мужчина.

«Я Роман Лазарев, муж Марины. Нам нужно поговорить».

Я пришла узнать правду о предательстве. А встретила мужчину, рядом с которым снова захотелось смеяться, спорить и ловить на себе заинтересованный взгляд. Роман тоже пережил измену. Но он не предложил мне мстить.

Он пригласил меня на свидание.

Я согласилась. В сорок четыре года, с разбитым сердцем и почти забытым ощущением, что меня могут желать.

Только теперь генерал хочет вернуть жену, которую сам бросил. А бывшая Романа — мужа, которого променяла на моего.

И обоим совершенно не нравится, что мы больше не ждем их возвращения.

Содержание

Глава 1. Другая женщина 5
Глава 2. Муж Марины 55
Глава 3. Первое свидание 117
Конец ознакомительного фрагмента. 150

Ливия Норвейн
Развод с генералом. Муж твоей любовницы пригласил меня на свидание

Глава 1. Другая женщина

Виктор не притронулся к ужину.

Я заметила это не сразу. Сначала рассказала, что Вера наконец договорилась с хозяином мастерской о замене окон, потом пожаловалась на заказчика, который принес семейный альбом с оторванной обложкой и потребовал вернуть его «как новый, только чтобы старым остался».

Обычно Виктор хотя бы усмехался на такие истории. В тот вечер он смотрел в тарелку и медленно крутил стакан с водой.

— Тебе невкусно? — спросила я.

— Нормально.

— Ты почти ничего не съел.

— Наташ, оставь.

Я замолчала.

За двадцать два года брака научилась различать его усталость, раздражение и то особенное молчание, которое наступало перед неприятным разговором. Последнее мне не нравилось больше всего. Обычно после него выяснялось, что мы снова куда-то переезжаем или Виктор не сможет приехать на семейный праздник.

В этот раз я подумала о здоровье.

Последние недели он плохо спал, возвращался поздно, несколько раз жаловался на головную боль. Я предлагала записаться к врачу, но он отмахивался. В свои пятьдесят три Виктор по-прежнему считал, что серьезные проблемы начинаются только тогда, когда человек уже не может подняться с постели.

— Что случилось? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Нам нужно поговорить.

Я положила вилку.

— Говори.

Виктор провел ладонью по лицу, словно собирался сообщить о каком-то служебном происшествии, которое придется долго объяснять.

— У меня другая женщина.

Я ждала продолжения.

Наверное, несколько секунд просто не поняла смысл. Слова были обычными, каждое по отдельности знакомым, но

вместе они никак не подходили ни к нашей кухне, ни к этому вечеру, ни к человеку напротив.

— Какая женщина? — спросила я.

Виктор посмотрел на меня странно.

— Наташа…

— Я спрашиваю, какая женщина.

— Ее зовут Марина.

Он произнес имя осторожно, словно боялся, что я начну кричать.

Я не закричала.

Посмотрела на его тарелку, на нетронутую картошку, на кусочек курицы. Почему-то стало обидно за ужин. Я провела на кухне почти час, хотя могла ограничиться разогретой котлетой. Виктор утром сказал, что придет пораньше, и я решила приготовить то, что он любит.

— И что теперь? — спросила я.

— Я хочу уйти.

Вот тут я поняла.

Не до конца, конечно. Только то, что он не пришел советоваться. Он уже все решил и теперь собирался сообщить мне порядок дальнейших действий.

— Уйти куда?

— Поживу отдельно.

— С ней?

Виктор помедлил.

— Пока я снял квартиру.

— Ясно.

Я взяла стакан, отпила воды. Она оказалась теплой. Мы давно сидели за столом.

— Давно это у вас?

— Не так давно.

— Сколько, Виктор?

— Несколько недель.

Я посмотрела на мужа внимательнее.

Он сидел прямо, почти не двигаясь. На нем была светлая рубашка, которую я гладила в воскресенье. Верхняя пуговица расстегнута, рукава аккуратно подвернуты. У левого запястья маленькое пятно от чернил.

Хорошо знакомый мужчина.

Мне казалось, я знаю каждую его привычку, каждое выражение лица. Когда он врет по телефону и не хочет объяснять подробности. Когда чем-то доволен, но старается не показывать. Когда злится на подчиненных и уже через полчаса жалеет о своей резкости.

Сейчас я не понимала, правду ли он говорит.

— Несколько недель — это сколько?

— Наташ, какая разница?

— Для тебя никакой?

— Я не это сказал.

— Тогда ответь.

Он вздохнул.

— Я не отмечал даты в календаре.

И вот эта фраза обидела меня сильнее, чем я ожидала.

Я спросила не из любопытства. Не собиралась высчитывать их свидания по часам. Мне нужно было хотя бы примерно представить, сколько времени я жила рядом с человеком, который уже вел другую жизнь.

А он отвечал так, будто я придираюсь к несущественным мелочам.

— А как вы познакомились?

— На одном мероприятии.

— На каком?

— В культурном центре. Еще зимой.

Я медленно поставила стакан.

— Зимой?

— Да.

— Виктор, сейчас сентябрь.

— Мы не сразу начали встречаться.

— Я не спрашивала, сразу или нет.

Он потер переносицу.

— Я понимаю, тебе тяжело. Но давай не будем превращать разговор в допрос.

— Я пока задала три вопроса.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

Я и правда знала.

Виктор терпеть не мог, когда ему приходилось отвечать на неприятные вопросы. На работе он был генерал-майором, одним из руководителей военного учебного заведения. Лю-

ди ждали от него решений, выслушивали распоряжения, отчитывались о выполнении.

Дома он был другим. Умел шутить, мог полвечера возиться с неисправным краном, любил смотреть старые комедии и ужасно переживал, если я заболевала. Но за годы службы привык, что правильно сформулированный им план редко нуждается в обсуждении.

Я давно перестала спорить из-за пустяков.

Только сейчас пустяком оказался наш брак.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда расскажи сам. Что ты решил и что, по-твоему, я должна делать?

Виктор словно немного расслабился.

— Я хочу, чтобы мы разошлись спокойно.

— Это я услышала.

— Не нужно делать из нас врагов. Мы прожили вместе много лет, у нас сын. Я очень благодарен тебе за все.

— Благодарен?

— Наташа, пожалуйста.

— Нет, подожди. Ты уходишь к другой женщине и благодаришь меня. За что именно?

— За нашу жизнь.

Я невольно усмехнулась.

Виктор нахмурился.

— Я пытаюсь поговорить нормально.

— А я, по-твоему, как разговариваю?

— Ты цепляешься к словам.

Я отодвинула тарелку.

Аппетит пропал окончательно.

— Ты говорил, что в октябре мы съездим в Кисловодск.

Виктор растерялся от неожиданной смены темы.

— Что?

— В воскресенье. Ты сказал, что постараешься освободить две недели. Даже предложил посмотреть гостиницы.

— Тогда я еще не знал, как все сложится.

— Это было четыре дня назад.

Он посмотрел в сторону окна.

Я вспомнила, как мы сидели на диване с ноутбуком. Я показывала ему фотографии номеров, а он просил найти место, где можно нормально завтракать, не выходя рано утром на улицу. Потом мы долго спорили, нужно ли брать машину.

Виктор тогда положил руку мне на колено.

Ничего особенного. Обычный жест мужа, с которым прожила двадцать два года.

Теперь я не могла понять, зачем он это сделал.

— Ты уже встречался с Мариной в воскресенье? — спросила я.

— Наташа…

— Да или нет?

— Да.

Я кивнула.

Мне хотелось спросить, целовал ли он ее в тот день. Приходил ли после нее домой. Мылся ли в нашем душе, прежде

чем лечь рядом со мной.

Я вовремя остановилась.

Не потому, что боялась услышать ответ. Просто вдруг поняла: если начну задавать такие вопросы, Виктор будет отвечать или уходить от ответа, а я стану запоминать подробности, с которыми потом придется жить.

Мне и без них хватало.

— Ты ее любишь?

Он не ответил сразу.

— У нас серьезные отношения.

— Я спросила другое.

— Да, — сказал он наконец. — Думаю, люблю.

В комнате работал холодильник. С улицы доносились голоса детей, которые еще не хотели расходиться по домам. На подоконнике стояла чашка с черенками традесканции. Я уже неделю собиралась их посадить.

Все было на своих местах.

Только муж сидел напротив и говорил, что любит другую.

— А меня? — спросила я.

Виктор посмотрел на мои руки.

Я пожалела, что спросила, еще до того, как он открыл рот.

— Ты мне очень дорога.

— Понятно.

— Мы с тобой давно уже не те люди, что были раньше.

— Мы и не могли остаться теми же людьми, Виктор. Нам тогда было двадцать два и тридцать один.

— Именно. Жизнь меняется.

Я подняла глаза.

— Моя жизнь тоже менялась. Только я почему-то каждый раз учитывала, что мы женаты.

Он ничего не сказал.

Я вдруг вспомнила нашу первую квартиру. Не нынешнюю, просторную, с хорошей кухней и отдельной комнатой для Егора, а ту, где из окна было видно стену соседнего дома. В ванной едва помещалась стиральная машина, а кровать приходилось складывать каждое утро.

Виктор был капитаном. Приходил иногда такой уставший, что засыпал, не дослушав мой рассказ. Я работала в типографии, училась заочно, откладывала деньги на хорошие инструменты для переплета.

Потом мы переехали.

Потом родился Егор.

Потом были другие города, служебные квартиры, новые должности. Я несколько раз начинала работу заново, искала заказчиков, знакомилась с людьми, пыталась устроить быт так, чтобы сын не чувствовал себя вечным новеньким.

Мы не всегда были счастливы.

Ссорились из-за денег, из-за его отсутствия, из-за моего желания работать больше. Однажды, когда Егору было семь, я всерьез собиралась уехать к матери на месяц. Виктор тогда вернулся из командировки раньше, сел на пол рядом с детской кроватью и долго объяснял, почему не смог приехать

на день рождения сына.

Я его простила.

И продолжила жить с ним.

Сейчас мне было особенно больно от того, что хорошие воспоминания никуда не делись. Я не могла за один вечер решить, будто все эти годы рядом со мной был чужой и плохой человек.

Рядом был мой муж.

Он любил нас. Умел быть добрым. Заботился о нас так, как умел.

А теперь решил уйти.

— Послушай, — сказал Виктор. — Я не собираюсь оставлять тебя без денег.

От неожиданности я даже переспросила:

— Без чего?

— Наташа, не надо. Ты понимаешь, что я имею в виду. Мы цивилизованные люди. Квартиру можно продать и поделить деньги. Если захочешь остаться здесь, обсудим компенсацию. По даче тоже договоримся.

Я смотрела на него и не узнавала.

Он говорил о продаже квартиры, которую мы выбирали почти полгода. Здесь Егор готовился к экзаменам, здесь мы собирались всей семьей по праздникам. За стеной стояла мебель, которую Виктор лично ездил выбирать, потому что ему надоело спать на диване из старой квартиры.

И теперь он уже знал, как это все поделить.

— Ты заранее об этом подумал, — сказала я.

— Я хотел подготовиться, чтобы не пришлось решать все в спешке.

— А мне подготовиться ты не предложил?

Он помолчал.

— Я понимал, что тебе будет неприятно.

Неприятно.

Будто он разбил любимую чашку или забыл купить билеты.

Я встала.

— Ты можешь пока уйти?

— Куда?

— В другую комнату. Мне нужно побыть одной.

Он тоже поднялся.

— Наташ, я не хотел тебя обидеть.

Я повернулась к нему.

— Ты сейчас серьезно?

— Я имею в виду, не хотел делать это больнее, чем необходимо.

— Тогда перестань объяснять, что у тебя все продумано.

Виктор раскрыл рот, собираясь возразить, но передумал.

Вышел из кухни.

Я осталась у стола.

Минут десять просто сидела и смотрела на еду.

Потом убрала обе тарелки в холодильник. Помыла сковороду, протерла плиту, поставила стаканы в шкаф. Не пото-

му, что мне непременно требовалось заняться хозяйством. Я совершенно не представляла, чем заняться вместо этого.

Когда дошла до полотенца, которым вытирала руки, заметила, что пальцы дрожат.

Пришлось сесть.

В этот момент я разозлилась на себя.

За то, что не закричала. За то, что позволила ему разговаривать со мной таким тоном. За то, что первой мыслью после его признания оказался нетронутый ужин.

Я представляла, как повела бы себя другая женщина на моем месте. Сказала бы что-нибудь точное, унизительное, чтобы он запомнил. Выставила бы за дверь с одним чемоданом. Или, наоборот, спокойно объявила, что завтра найдет адвоката и больше им не о чем разговаривать.

У меня ничего подобного не получилось.

Мне было сорок четыре года, и я сидела на привычной кухне, где мы ели, ссорились, мирились, принимали гостей.

Я не знала, как правильно пережить вечер, в который муж сообщил о другой женщине.

Из комнаты донеслись шаги.

Виктор остановился в дверях.

— Я переночую в кабинете.

— Хорошо.

— Завтра можем спокойно обсудить.

— Нет.

— Что нет?

— Завтра я работаю. И ничего спокойно обсуждать пока не готова.

Он кивнул.

— Как скажешь.

Я хотела попросить его не говорить так, будто делает мне одолжение.

Но устала даже от собственного голоса.

***

Ночью я почти не спала.

Легла в нашу кровать, несколько раз перевернула подушку, убрала лишнее одеяло. Потом встала и закрыла окно, потому что с улицы тянуло прохладой.

На тумбочке лежала книга, которую я собиралась дочитать еще в августе. Рядом — Викторовы часы. Он забывал их здесь постоянно, хотя я купила для них небольшую коробочку.

Я взяла часы, подержала в ладони.

На задней крышке была гравировка. Я подарила их ему в день, когда он получил генеральское звание.

Тогда мы устроили дома небольшой ужин. Пришли несколько друзей, Егор, тогда еще школьник, принес торт. Виктор терпеть не мог торжественные речи в собственной квартире, но все равно произнес короткий тост за меня.

Сказал, что без Наташи ему пришлось бы гораздо труднее.

Я помнила, как он обнял меня за плечи. Как гости смеялись над тем, что мы никак не можем научиться вовремя фотографироваться. Как он потом мыл посуду, потому что я устала.

Это было пять лет назад.

Мне хотелось разбудить его и спросить, когда именно он перестал быть тем человеком.

Но я знала, что ответа не получу.

Возможно, он и сам не смог бы назвать день.

Я положила часы обратно.

В половине третьего услышала, как в кабинете скрипнул диван. Виктор тоже не спал.

Мне пришла в голову совершенно нелепая мысль: пойти к нему и спросить, не хочет ли он чаю.

Столько лет я делала именно это.

Если он не спал, я ставила чайник. Если я сидела над заказом до ночи, он приносил мне бутерброд. Иногда мы ничего не говорили, просто находились в одной комнате.

Я уже поднялась с кровати.

Потом остановилась.

Впервые за весь вечер ясно представила себе Марину.

Не ее лицо — его я не знала. Представила, как Виктор рассказывает ей, что наконец поговорил с женой.

Наверное, она спрашивала, как все прошло.

Наверное, он говорил, что тяжело, но Наталья держится.

Может быть, Марина сочувствовала мне.

От этой мысли стало так противно, что я снова легла и натянула одеяло до подбородка.

Сон пришел только под утро.

***

В половине седьмого зазвонил будильник.

Я выключила его и еще минуту лежала с закрытыми глазами. Затем услышала воду в ванной и вспомнила все сразу.

Виктор собирался на службу.

Я дождалась, пока он выйдет, и пошла умываться. В зеркале обнаружила опухшие веки, красный след от подушки на щеке и несколько седых волос у виска, которых раньше почему-то не замечала.

Я долго смотрела на свое отражение.

Сорок четыре.

В декабре будет сорок пять.

Не юная девушка, конечно. Давно не девушка.

Я вдруг попыталась вспомнить, когда Виктор в последний раз смотрел на меня так, как смотрят на женщину, которую хочется обнять и поцеловать.

Не привычно чмокал перед уходом. Не машинально касался спины, проходя мимо. А именно смотрел.

Не смогла.

И тут же разозлилась.

Отсутствие одного воспоминания не означало, что его ни-

когда не было. Я вообще плохо соображала после бессонной ночи.

Почистила зубы, собрала волосы в хвост и вышла на кухню.

Виктор уже пил кофе.

— Я сделал и тебе, — сказал он.

На столе стояла моя чашка.

Зеленая, с трещинкой возле ручки.

Я подарила ему часы за несколько десятков тысяч, а он когда-то привез мне эту чашку из командировки. Стоила она, наверное, рублей триста. Я любила ее больше всех остальных.

— Спасибо.

Я села напротив.

Виктор выглядел не лучше меня. Под глазами залегли тени, на подбородке виднелась небольшая полоска, которую он пропустил при бритье.

— Наташ, я сегодня поздно вернусь.

— Понятно.

— И хотел сказать… Вещи начну забирать вечером. Я уже договорился насчет квартиры.

Я медленно подняла на него глаза.

— Ты ее снял до нашего разговора?

Он отставил чашку.

— Да.

— Когда?

— На прошлой неделе.

В прошлую среду он вернулся домой с пакетом продуктов. Мы вместе разбирали покупки, потому что я задержалась на работе. Виктор жаловался на очередь в магазине. Потом мы смотрели фильм, и он заснул у меня на плече.

Интересно, в какой день он подписал договор аренды.

Я не спросила.

— Хорошо, — сказала я.

— Не хочу, чтобы это выглядело так, будто я тебя бросаю и исчезаю.

— Но ты меня бросаешь, Виктор.

Он поморщился.

— Зачем такие слова?

— Какие?

— Ну, бросаю. Как будто я оставляю тебя на улице без средств к существованию.

Я взяла чашку двумя руками.

— А какое слово тебе нравится больше?

Он устало посмотрел на меня.

— Расстаемся.

— Это когда оба хотят расстаться. А я до вчерашнего вечера ничего об этом не знала.

Виктор молчал.

Я сделала глоток кофе. Он был крепче, чем я любила. Муж всегда забывал, сколько ложек мне нужно.

Раньше я добавляла воды и не обращала внимания.

Сейчас эта мелочь неожиданно рассердила.

— Не говори Егору сегодня, — попросила я.

— Я и не собирался. Надо вместе обсудить, как лучше.

— Он взрослый. Не нужно придумывать для него красивую историю.

— Я понимаю.

— Ты уверен?

Виктор посмотрел на часы.

— Наташа, я опаздываю.

— Тогда езжай.

Он поднялся, взял ключи от машины и папку с бумагами.

У двери остановился.

— Ты поешь что-нибудь, ладно?

Я закрыла глаза на секунду.

Вот что было особенно мучительно: его заботливые слова никуда не исчезли. Он мог спросить, поела ли я, купить мне лекарства, позвонить из дороги, чтобы узнать, не нужно ли чего.

Но теперь он собирался жить с другой женщиной.

— До вечера, — ответила я.

Когда дверь закрылась, я вылила остывший кофе и сварила себе новый.

***

В мастерской Вера встретила меня известием, что старый

резак окончательно перестал нормально прижимать бумагу.

— Я его уже уговаривала, — сообщила она вместо приветствия. — Даже обещала больше не ругаться. Никакой благодарности.

Я повесила плащ.

— Значит, придется вызывать мастера.

— Я ему позвонила. Придет завтра. Ты чего такая бледная?

— Не выспалась.

— Витя опять ночью работал?

Я открыла рот и не смогла ответить.

Вера перестала улыбаться.

— Наташ?

Я посмотрела на нее. Мы работали вместе не первый год. Она знала, что я не люблю жаловаться на семейную жизнь, даже когда для этого были причины.

Поэтому я почти никогда не начинала такие разговоры сама.

— Виктор уходит от меня.

Вера поставила на стол коробку, которую держала в руках.

— В каком смысле?

— В обычном. У него другая женщина.

Она медленно опустилась на стул.

— Подожди. Сядь сначала.

— Я нормально стою.

— Я вижу. Но сядь.

Я послушалась.

Несколько секунд мы молчали.

— Ты давно знаешь? — спросила Вера.

— Со вчерашнего вечера.

— А он… — Она запнулась. — Он сам сказал?

Я кивнула.

Вера выдохнула через нос.

— Господи. Я даже не знаю, что спросить.

— Я тоже вчера не знала.

— Ты домой сегодня собираешься?

— Конечно. А куда еще?

— Я могу тебя забрать вечером. Посидим у нас. Или к тебе приеду.

— Не надо. Правда.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Хорошо. Тогда я сегодня займусь заказами с выдачей. Тебе не придется ни с кем разговаривать, если не захочешь.

Вот за это я любила Веру.

Она не спрашивала, что я собираюсь делать с жизнью. Не объявляла, что всегда подозревала Виктора. Не пыталась объяснить, почему мужчины изменяют после пятидесяти.

Просто убрала со стола чужой заказ и подвинула мне мой рабочий коврик.

На нем лежал старый семейный альбом с потертой коричневой обложкой. Заказчица хотела, чтобы мы укрепили переплет, заменили порванные защитные листы и сохранили

все фотографии на прежних местах.

Я раскрыла альбом.

На первой странице улыбалась молодая пара возле автомобиля. Женщина в светлом платье держала мужчину под руку. На следующей странице они стояли с маленькой девочкой, потом девочка пошла в школу, потом появился еще один ребенок.

Чужая семейная жизнь, аккуратно разложенная по страницам.

Я закрыла альбом.

— Давай я займусь новым переплетом, — сказала я. — Старый сегодня лучше не трогать.

Вера ничего не возразила.

Я достала подготовленную крышку для другого заказа, отмерила ткань, нанесла разметку. Работа была привычной. Руки обычно сами знали, что делать.

Через десять минут выяснилось, что я отрезала кусок ткани на два сантиметра короче нужного.

Я посмотрела на линейку.

Потом на ткань.

— Черт.

Вера подошла.

— Что там?

— Испортила.

Она взяла материал.

— Отложим на маленький формат. Не пропадет.

— Я вчера вечером тоже все испортила, — сказала я.

Вера подняла глаза.

— Что именно?

— Разговор. Сидела как дура. Спрашивала, давно ли он с ней. А надо было…

Я замолчала.

— Что надо было? — спокойно спросила она.

— Не знаю. Сказать что-нибудь. Выгнать его.

— А ты хотела?

— Я вообще ничего не понимала.

— Тогда как ты могла заранее придумать, что сказать?

Я потерла лоб.

— Мне сорок четыре года, Вер. Я не умею даже правильно реагировать на измену собственного мужа.

— А где этому учат?

Я невольно улыбнулась.

— Если найдешь курсы, запиши меня.

— Сначала резак починим. Потом будем искать.

Она села рядом.

Мне стало немного легче.

Вера протянула руку за очками.

— Он к кому-то конкретному уходит?

— Да. Марина. Тридцать семь, кажется. Работает в культурном центре.

Я знала возраст, потому что Виктор назвал его вчера, когда я спросила, кто она такая. В тот момент цифра почему-то

не произвела впечатления.

Теперь я все время возвращалась к ней.

Тридцать семь.

На семь лет моложе меня.

Не двадцать пять. Не какая-то девочка, ради которой мужчина потерял голову. Взрослая женщина со своей работой, привычками, знакомыми. Человек, который, вероятно, понимал, что встречается с женатым мужчиной.

— Ты ее видела? — спросила Вера.

— Нет.

— И не ищи пока.

— Почему?

— Потому что тебе и так паршиво. Посмотреть всегда успеешь.

Я опустила взгляд на свои руки.

На правом указательном пальце оставалась тонкая полоска засохшего клея. Под ногтем застряла крошечная нитка.

Вчера я снимала обручальное кольцо перед работой с материалом, а вечером снова надела. Сейчас оно свободно двигалось по пальцу.

— Самое странное, — сказала я, — что я не знаю, чего хочу.

— В каком смысле?

— Вчера хотела, чтобы он остался. Потом хотела его ударить. Ночью думала, вдруг он придет и скажет, что все отменяется.

— И что бы ты сделала?

— Не знаю.

Вера не стала отвечать за меня.

Я посмотрела в окно.

Напротив мастерской грузовик разгружал коробки для цветочного магазина. Девушка в зеленом фартуке принимала упаковки, расписывалась в накладной, спорила с водителем из-за какой-то помятой коробки.

Обычное утро.

— Я, наверное, завтра не приду, — сказала я.

— Не приходи.

— Но у нас выдача в субботу.

— Я справлюсь.

— Вера…

— Наташ, у тебя есть два выходных. Можешь их использовать. Можешь приехать сюда и весь день злиться на картон. Мне все равно, лишь бы тебе было легче.

Я рассмеялась.

Тихо, неожиданно для себя.

Вера тоже улыбнулась, но глаза у нее оставались серьезными.

— Только поешь сегодня, — сказала она. — Ты завтракала?

Я покачала головой.

— Вот. А то будешь сидеть здесь до вечера, потом у тебя закружится голова, и мне придется звонить этому твоему

генералу.

— Не надо ему звонить.

— Тогда идем за булочками.

Мы закрыли мастерскую на пятнадцать минут и пошли в маленькую пекарню через дорогу.

Я купила пирог с капустой. Вера взяла две булочки и кофе. Мы сидели возле окна, пока она рассказывала о соседке, которая третий месяц не может выбрать плитку для ванной, потому что все образцы по-разному выглядят утром и вечером.

Я слушала вполуха.

Потом неожиданно начала рассказывать о Кисловодске.

О том, как Виктор предлагал поездку, а сам уже встречался с другой. О гостинице, которую я добавила в закладки. О том, что он несколько раз спрашивал, какие дни у меня свободны.

Вера выслушала.

— Ты злишься, что он обещал отпуск? — спросила она.

— Не только. Он ведь мог вообще не начинать этот разговор. Я бы ничего не заподозрила.

Я помолчала.

— Получается, он заранее знал, что я обрадуюсь. И все равно предлагал.

Вера медленно отломила кусочек булочки.

— Может, он сам не решался сказать.

— Тогда зачем было обещать?

— Я не знаю, Наташ. Это у него надо спрашивать.

Я кивнула.

Вера была права.

Я начинала придумывать ответы за Виктора. По привычке пыталась понять его лучше, чем он объяснял себя сам.

За долгие годы у меня это хорошо получалось.

Если он возвращался хмурым, я старалась не разговаривать о своих проблемах. Если у него намечалась сложная неделя, переносила собственные дела. Когда он жаловался на усталость, находила способы сделать домашнюю жизнь удобнее.

Я не считала это жертвой.

Мне нравилось заботиться о муже.

Но вчера оказалось, что о главном его решении я узнаю последней.

— Он предлагает все поделить, — сказала я.

— Что именно?

— Квартиру, дачу, машину. Пока только на словах.

— Не соглашайся ни на что сразу.

— Я не собираюсь.

— И документы посмотри. Не одна. Если надо, найдешь юриста.

— Да.

Меня немного раздражало, что теперь придется заниматься оценками, продажей недвижимости и бумагами.

Я любила наш дом.

Сама выбирала обои в гостиную, искала хорошего мастера для деревянных дверей, ругалась с поставщиком кухонного гарнитура. Но уже понимала: остаться здесь может оказаться тяжелее, чем переехать.

Впрочем, сейчас я вообще плохо представляла себе будущее дальше ближайших выходных.

Мы вернулись в мастерскую.

До вечера я успела закончить один небольшой переплет, проверить готовую работу Веры и дважды перепутать номера заказов. На третий раз она молча забрала у меня журнал.

Обычно я бы возмутилась.

Сегодня только поблагодарила.

***

Егор позвонил около пяти, когда я уже собиралась домой.

— Мам, привет. Ты дома?

Я остановилась возле остановки.

— Нет, только закончила работу. Что случилось?

— Ничего. Слушай, у меня у вас куртка осталась? Синяя, с капюшоном.

— Кажется, в твоем шкафу.

— Можешь посмотреть? Я в выходные заеду, заберу.

— Конечно.

— Папа дома будет?

Я посмотрела на дорогу.

Мимо прошел автобус, которого я не дождалась. Поднялся ветер, и с дерева возле остановки посыпались сухие листья.

— Не знаю, Егор. У него сейчас много дел.

— Ага. Я ему утром звонил, он какой-то странный. Все нормально?

Я на секунду закрыла глаза.

Взрослые дети замечают гораздо больше, чем кажется родителям.

Особенно если всю жизнь привыкли слышать, как отец разговаривает по телефону.

— Мы с папой хотим кое-что с тобой обсудить, — сказала я.

— Что-то серьезное?

— Да.

— Мам, только не говори так. Я теперь буду до субботы гадать.

— Ты можешь приехать завтра вечером?

— Могу. Что произошло?

Я прислонилась к холодной стенке остановки.

Мне ужасно захотелось, чтобы сын снова стал маленьким.

Чтобы его главным вопросом было, почему мы не разрешаем ему завести собаку. Чтобы я могла обнять его, поправить воротник куртки, налить какао и решить почти любую проблему.

Но Егору был двадцать один год. Он учился на последнем

курсе инженерного вуза, жил отдельно и уже давно покупал себе продукты сам. Только время от времени звонил, чтобы спросить, как выбрать постельное белье или куда делась зимняя куртка.

— Егор, мы с папой решили расстаться, — сказала я.

Слова вылетели раньше, чем я успела подумать.

На другом конце стало тихо.

— Что?

— Виктор переезжает. Мы будем разводиться.

— Подожди, мам. Вы поругались?

— Нет.

— Тогда почему?

Я стиснула телефон.

— У папы появилась другая женщина.

Егор шумно выдохнул.

— Да ладно.

Я не ответила.

— Мам?

— Я здесь.

— Ты серьезно?

— Да.

Он молчал так долго, что я подумала, не пропала ли связь.

— Я сейчас приеду, — сказал он наконец.

— Егор, не надо. Я не дома.

— Тогда скажи, куда.

— Я еду домой. Но не нужно все бросать. У тебя завтра

занятия.

— Мам, ты сейчас вообще не о том говоришь.

Я прикусила губу.

Он был прав.

— Я просто не хотела, чтобы ты узнал случайно, — сказала я. — И мы еще сами ничего не обсудили.

— Папа сказал тебе вчера?

— Да.

— Вот же…

Он оборвал фразу.

Я услышала, как он куда-то идет, хлопает дверца шкафа, звенят ключи.

— Егор, послушай. Я не хочу, чтобы ты сейчас мчался через весь город и ругался с ним.

— А что мне делать? Сидеть спокойно?

— Можешь приехать ко мне. Но не нужно пытаться это исправить.

— Я и не собирался исправлять.

Он опять замолчал.

— Ты плакала?

Вопрос оказался неожиданным.

— Да, — призналась я.

— Я приеду.

На этот раз я не стала спорить.

Мы договорились, что он будет у нас примерно через час. Я попросила его сначала позвонить, чтобы знать, добрался

ли он нормально.

Когда разговор закончился, я обнаружила, что стою возле остановки уже минут десять, а руки совсем замерзли.

Я убрала телефон в сумку.

Первым порывом было написать Виктору, что Егор все знает. Я даже открыла переписку.

Потом передумала.

Он хотел, чтобы мы вдвоем придумали правильные слова. Я не выдержала. Возможно, поступила не лучшим образом.

Но сын уже все равно узнал правду.

Я написала коротко:

«Егор приедет сегодня. Я сказала ему, что мы разводимся и почему».

Ответ пришел через пару минут.

«Мы же договорились обсудить это вместе».

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом набрала:

«Мы не договаривались скрывать от него причину. Он сам позвонил и спросил, все ли у нас в порядке».

Виктор позвонил почти сразу.

Я не ответила.

Мне не хотелось стоять возле дороги и слушать очередные объяснения о том, что я сделала неправильно.

***

Когда я вошла в квартиру, Виктор уже был дома.

В прихожей стоял большой темный чемодан.

Тот самый, с которым мы ездили в отпуск.

Я купила его три года назад, потому что у старого сломалась ручка. Виктор тогда долго ворчал из-за цены, а потом признал, что хорошие колеса действительно удобнее.

Теперь чемодан стоял возле обувной полки, раскрытый, наполовину заполненный вещами.

— Ты сказала Егору, — произнес Виктор, выходя из спальни.

Я сняла плащ.

— Да.

— Мы могли сделать это вместе.

— Могли. Но он позвонил раньше.

— Ты понимаешь, в каком состоянии он теперь будет?

Я медленно повернулась.

— Виктор, а в каком состоянии, по-твоему, должен быть сын, когда узнает, что родители разводятся?

— Можно было выбрать подходящий момент.

— Назови его.

Он замолчал.

— Завтра вечером, — сказала я сама. — После обеда. В воскресенье перед сном. На день рождения. Когда, по-твое-

му, Егор расстроился бы меньше?

— Не нужно передергивать.

— Тогда перестань делать вид, что проблема в том, как я сказала.

Виктор прошел в гостиную.

Я услышала, как он поставил на стол стакан.

Постояла в прихожей, глядя на раскрытый чемодан.

У одного из колес застряла красная нитка. Наверное, с прошлого отпуска. Мы тогда ездили в небольшой пансионат под Ярославлем. Егор заехал к нам на выходные, и мы целый день гуляли втроем.

Я наклонилась, вытащила нитку.

Только потом сообразила, что делаю.

Даже сейчас я машинально приводила в порядок его вещи.

— Ты куда переезжаешь? — спросила я, войдя в гостиную.

— Снял квартиру недалеко от работы.

— Один?

Он посмотрел на меня.

— Пока да.

Я заметила это «пока», но решила не спрашивать.

— На какой срок?

— Посмотрим.

— Ты уже сказал Марине, что уходишь?

— Да.

— Она тоже замужем?

Виктор задержал взгляд на моем лице.

— Это имеет какое-то значение?

— Для меня имеет.

— Да, она замужем. Но они тоже расстаются.

— У них дети есть?

— Дочь.

Я села в кресло.

— Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

Почему-то именно теперь история перестала помещаться в разговор двух людей.

Где-то существовала девочка, которая, возможно, тоже только что узнала о разводе родителей. Существовал ее отец. Дом, где лежали ее школьные тетради, где кто-то готовил ужин и планировал выходные.

Я думала о нашей квартире, о Егоре, о том, как он разговаривал со мной по телефону.

— Ее муж знает? — спросила я.

— Да.

— Давно?

— Не знаю всех подробностей, Наташа.

— Странно. Вы ведь обсуждали, как будете жить дальше.

— Мы не обсуждаем каждую мелочь.

Я посмотрела на него.

— Для тебя даже это мелочь?

Виктор устало выдохнул.

— Я понимаю, что ты злишься. Но не нужно сейчас говорить вещи, о которых потом пожалеешь.

Мне захотелось ответить грубо.

Я уже открыла рот, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Егор приехал раньше обещанного.

Виктор пошел открывать. Я осталась в кресле.

Сын вошел быстро, не снимая рюкзака.

Он был похож на отца ростом и разворотом плеч. А вот глаза у него были мои, серо-зеленые. Сейчас он смотрел на Виктора с таким выражением, какого я раньше у него не видела.

— Это правда? — спросил Егор.

— Давай сначала сядем, — предложил Виктор.

— Я спросил, правда?

— Да.

Егор перевел взгляд на чемодан в коридоре.

— Ты уже уходишь?

— Мы с мамой решили жить отдельно.

Я поднялась.

— Егор, это папа решил уйти. Я узнала об этом вчера.

Виктор резко посмотрел на меня.

— Наташа…

— Что?

— Мы же договорились без обвинений.

— Мы вообще ни о чем таком не договаривались.

Егор поднял руку.

— Подождите оба.

Он впервые за долгое время говорил с нами как с двумя взрослыми людьми, которые ведут себя не лучшим образом.

— Пап, у тебя реально кто-то есть?

Виктор кивнул.

— Да.

— И ты уходишь к ней?

— Я пока буду жить отдельно.

— Это не ответ.

— Егор, мы с твоей мамой давно переживаем сложный период.

Я почувствовала, как напряглась.

Но сын ответил раньше.

— Это у вас сложный период или у тебя появилась другая?

Виктор поморщился.

— Не надо говорить так, будто все можно объяснить одной причиной.

Егор коротко рассмеялся.

— А, ну понятно.

Он снял рюкзак и бросил его возле дивана.

Я подошла ближе.

— Егор, хочешь воды?

— Мам, не надо пока ничего.

— Хорошо.

Я отошла к столу.

Виктор смотрел на сына, явно стараясь подобрать правильные слова.

— Я не собираюсь исчезать из твоей жизни, — сказал он. — Что бы ни происходило между нами с мамой, для тебя ничего не изменится.

Егор долго смотрел на него.

— Пап, я не маленький. Я понимаю, что ты мой отец и останешься им. Но зачем ты сейчас так говоришь? У меня вчера были родители, которые жили вместе. Сегодня ты с чемоданом. Конечно, что-то изменится.

Я отвернулась к окну.

Виктор молчал.

Егор провел ладонью по волосам.

— Ладно. Я не хочу сейчас ругаться. Просто… мне нужно это переварить.

Он подошел ко мне.

— Мам, пойдем на кухню?

Я кивнула.

Мы вышли.

Егор сел на свое старое место возле окна. В детстве он всегда выбирал именно его, потому что оттуда было удобно смотреть, как во двор заезжают машины.

Я поставила чайник.

— Ты правда нормально? — спросил он.

— Не очень.

— Я так и думал.

Я достала чашки.

Егор встал, подошел ко мне и обнял.

Не как мальчик, которому нужна помощь.

Как взрослый сын, который видит, что матери плохо, и не знает, чем облегчить ее состояние.

Я уткнулась лбом в его плечо.

И впервые с прошлого вечера заплакала по-настоящему.

Без попытки сразу остановиться.

Егор крепче обнял меня.

— Мам, ну что он творит…

Я покачала головой.

Мне не хотелось, чтобы он ненавидел отца. Но и защищать Виктора сейчас не было сил.

— Ты не должен выбирать между нами, — сказала я, когда смогла говорить.

— Я и не собираюсь.

— Просто у нас будут свои отношения. А у тебя с папой — свои.

Егор отстранился.

— Мам, я понимаю. Но ты же не думаешь, что я сейчас буду делать вид, будто ничего не случилось?

— Нет.

— Тогда все нормально.

Он взял салфетку со стола и протянул мне.

Я вытерла лицо.

— У тебя завтра пара во сколько?

Егор посмотрел на меня с таким недоумением, что я невольно улыбнулась.

— Ты серьезно?

— А что?

— Мам, папа изменил тебе, а ты спрашиваешь, во сколько у меня пара.

— Я все равно твоя мать. И мне интересно.

Он покачал головой.

— В десять тридцать.

— Значит, успеешь выспаться.

— Ты неисправима.

— Вполне возможно.

Мы выпили чай.

Егор рассказал, что получил хорошую оценку за курсовую работу, которую сдавал на прошлой неделе. Я вспомнила, что собиралась его поздравить, но совсем забыла.

Потом он спросил, не хочу ли я пожить у него несколько дней.

Я представила его небольшую съемную квартиру, заваленный чертежами стол и соседство с другом, который иногда оставался ночевать после совместных занятий.

— Спасибо, — сказала я. — Но пока останусь дома.

Он не настаивал.

Когда мы вернулись в гостиную, Виктор сидел на диване.

Егор остановился в дверях.

— Я завтра позвоню, пап.

— Хорошо.

— Только не надо рассказывать мне потом, что все случилось само собой.

Виктор побледнел.

— Я и не собирался.

— Ладно.

Егор забрал рюкзак.

Я проводила его до лифта. Сын несколько раз спросил, точно ли я справлюсь сегодня одна. Обещал позвонить утром и приехать в воскресенье.

Потом вдруг сказал:

— Мам, я папу люблю. Но сейчас очень на него злюсь.

— Я понимаю.

— Ты тоже можешь злиться. Не обязательно всем объяснять, почему он так поступил.

Я обняла его еще раз.

После этих слов мне стало немного спокойнее.

***

Виктор уехал около девяти.

К этому времени чемодан был закрыт. Рядом стояла сумка с обувью, несколько рубашек он аккуратно уложил в чехол.

Я сидела в гостиной с телефоном, просматривала список незаконченных заказов и ничего не запоминала.

— Я все необходимое взял, — сказал Виктор.

— Хорошо.

— Остальное заберу позже. Позвоню заранее.

Я подняла глаза.

Он стоял возле двери в темной куртке. Большой, широкоплечий, с коротко стриженными седыми волосами.

Когда мы познакомились, ему был тридцать один год. Мне — двадцать два.

Он казался мне невероятно взрослым. Уже тогда многое знал, умел решать вопросы, не пугался бытовых трудностей. Если ломался замок, находил мастера. Если мы опаздывали на поезд, спокойно менял билеты. Если я заболевала, приезжал с лекарствами и заставлял меня отдыхать.

Я любила в нем эту уверенность.

В первые годы брака мне нравилось, что рядом человек, которому можно доверить любую проблему.

Потом я научилась справляться сама. У меня появилась своя работа, свои решения, собственные деньги.

Но Виктор по-прежнему часто говорил: «Я разберусь».

Сейчас он тоже во всем разобрался.

Только без меня.

— Наташ, — позвал он.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Я действительно не хотел, чтобы все так получилось.

Он выглядел усталым.

В его голосе была знакомая хрипотца, которая появлялась после тяжелого дня.

На секунду мне захотелось подойти и поправить воротник его куртки. Он всегда торопился, когда собирался уходить, и иногда оставлял его загнутым.

Я даже привстала.

Потом села обратно.

— Но получилось именно так, — сказала я.

Виктор кивнул.

— Я позвоню насчет документов.

— Не сегодня.

— Хорошо.

Он взял чемодан.

У самой двери остановился еще раз.

— Если тебе понадобится помощь…

— Я скажу.

Я произнесла это спокойно.

Не из гордости.

Просто сейчас мне действительно ничего от него не было нужно.

Дверь закрылась.

Я услышала, как чемодан проехал по коридору, потом щелкнул лифт.

Постояла возле окна, дождалась, пока машина Виктора выедет со двора.

Только после этого пошла на кухню.

На столе лежала его салфетка. Чистая, сложенная пополам. Рядом стоял пустой стакан.

Я убрала их.

Открыла холодильник.

Внутри оставалась большая кастрюля со вчерашней курицей и картошкой.

Я достала ее, положила немного на тарелку и разогрела.

Села за стол.

Ела медленно, не чувствуя особенного вкуса.

Несколько раз ловила себя на том, что прислушиваюсь к звукам из прихожей.

Привычка.

Виктор иногда возвращался домой, потому что забывал документы, ключи или телефон. Бывало, уже с лестницы звонил и просил открыть.

Я посмотрела на часы.

Двадцать два пятнадцать.

Он не вернется.

По крайней мере, сегодня.

Я вымыла тарелку и пошла в спальню.

В шкафу освободилась почти вся правая сторона. Остались две рубашки, несколько ремней и старая спортивная кофта.

Я долго смотрела на пустые плечики.

Потом закрыла шкаф.

Спать не хотелось.

Я взяла телефон и открыла страницу гостиницы в Кисловодске.

Забронированного номера не было. Мы даже не успели определиться с датами. В закладках осталось три варианта, которые я собиралась показать Виктору.

Я смотрела на фотографии и вспоминала, как хотела провести эти две недели.

Не путешествовать до изнеможения. Не бегать по экскурсиям. Просто гулять, пить кофе, возвращаться вечером в гостиницу и разговаривать.

У нас давно не было времени друг для друга.

Мне казалось, после всех переездов, его учеб, командировок, моего постоянного желания успеть с заказами мы наконец можем немного пожить спокойно.

Возможно, я слишком долго откладывала разговор о том, что происходит между нами.

Но это не объясняло измену.

Мы могли поссориться. Могли признать, что устали. Могли пойти к семейному психологу или решить расстаться.

Виктор выбрал другой путь.

Я закрыла страницу гостиницы.

Через несколько минут позвонила Вера.

— Ты дома?

— Да.

— Он уехал?

— Уехал.

— Как ты?

Я посмотрела на пустую половину кровати.

— Не знаю пока.

Вера помолчала.

— Слушай, я завтра утром заеду в мастерскую. Там курьер должен привезти картон. Если хочешь, можешь приехать позже.

— Спасибо.

— И не переживай за заказы.

— Я все равно переживаю.

— Знаю. Но вот именно за них не надо. Я справлюсь.

Я улыбнулась.

— У тебя муж дома?

— Дома. Жарит картошку. Уже успел пожаловаться, что я опять купила не ту сковородку.

Я услышала на заднем плане мужской голос.

— Скажи ему, чтобы жарил на той, которая есть.

Вера рассмеялась.

— Вот! Я ему примерно так и говорю.

Мы поболтали еще несколько минут.

Она не спрашивала, не передумал ли Виктор, не предлагала найти телефон Марины и не пыталась убедить меня срочно поменять прическу.

Когда мы попрощались, я почувствовала, что немного устала.

Настоящей, обычной усталостью.

Я выключила свет в спальне.

Легла.

Почти сразу пришло сообщение от Егора:

«Мам, ты как? Я завтра заеду после учебы, если ты не против».

Я ответила:

«Буду рада. Только ничего не покупай, еды полно».

Он прислал смеющуюся рожицу.

Следом:

«Все равно куплю пирожные».

Я написала, что люблю его.

Егор ответил сразу.

Я положила телефон на тумбочку и повернулась на бок.

Некоторое время лежала с открытыми глазами.

Потом мне пришло в голову, что теперь я могу спать посередине кровати.

Эта мысль показалась такой нелепой, что я тихо засмеялась.

А через секунду заплакала.

Не сильно.

Несколько минут, уткнувшись лицом в подушку.

Когда слезы закончились, я пошла умыться и снова легла.

Впервые за сутки заснула почти сразу.

***

Утром я проснулась от звонка в дверь.

Это был курьер.

Привез коробку с материалами, которые я заказывала еще неделю назад. Я расписалась, поставила коробку возле шкафа и только тогда вспомнила, что сегодня суббота.

В мастерскую можно было не ехать.

Я сварила кофе, открыла окно.

Во дворе женщина в красной куртке выгуливала маленькую собаку. Двое мужчин спорили возле припаркованной машины. Из соседнего подъезда вышла девушка с букетом цветов.

Сентябрь только начинался. Деревья еще стояли зелеными, но воздух по утрам уже пах осенью.

Я вдруг подумала, что совершенно не знаю, как проведу ближайшие выходные.

Раньше по субботам мы с Виктором обычно ездили за продуктами. Иногда выбирались на дачу. Он любил начинать что-нибудь чинить, а потом звал меня посмотреть, что получилось.

Теперь никто не собирался спрашивать, какие у меня планы.

Я могла остаться дома.

Могла пойти гулять.

Могла позвонить Вере и напроситься на чай.

Могла весь день читать.

И почему-то ни один вариант не радовал.

Я достала из холодильника сыр, отрезала хлеб и села завтракать.

На телефоне высветилось уведомление от незнакомого номера.

Сначала я не обратила внимания.

Подумала, что клиент пишет насчет заказа.

Потом открыла сообщение.

«Здравствуйте, Наталья Сергеевна. Меня зовут Роман Лазарев. Я муж Марины Лазаревой. Нашел ваш номер на странице мастерской. Простите, что обращаюсь без предупреждения. Мне хотелось бы поговорить с вами об одной ситуации. Если вы не против, можем встретиться в удобное для вас время».

Я прочитала сообщение дважды.

Потом еще раз.

Муж Марины.

Муж той самой женщины, из-за которой вчера из нашей квартиры уехал Виктор.

Я отложила телефон.

За окном кто-то громко позвал ребенка. В соседней квартире заиграла музыка. На кухне остывал кофе.

Я представила себе незнакомого мужчину.

Наверняка он тоже последние дни почти не спал. Может

быть, до сих пор спорил с женой. Может быть, пытался выяснить, когда именно началась ее связь с Виктором.

Я понятия не имела, чего он от меня хочет.

Может быть, обвинить.

Может быть, задать вопросы, на которые у меня нет ответов.

Я не хотела разговаривать о Марине.

Еще меньше хотела слушать о том, как они с Виктором проводили время.

Но одно слово из сообщения не выходило у меня из головы.

«Муж».

У нее тоже был муж.

Человек, который, возможно, вчера сидел в своей квартире и пытался понять, что стало с его семьей.

Я взяла телефон.

Несколько минут набирала ответ, стирала, начинала заново.

Потом написала:

«Здравствуйте, Роман. Я знаю о Марине и моем муже. Если вы хотите поговорить об этом, мы можем встретиться. Но сразу предупреждаю: мне известно очень мало».

Ответ пришел неожиданно быстро.

«Спасибо, что ответили. Боюсь, мне тоже рассказали далеко не все. Именно поэтому я и хотел с вами встретиться».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом отодвинула недоеденный бутерброд и написала: «Когда вам удобно?»

Глава 2. Муж Марины

Ответ пришел через несколько минут.

«Могу во вторник после шести. Есть небольшое кафе напротив городской библиотеки, на Садовой. Вам удобно там?»

Я представила это место. Несколько раз проходила мимо, когда забирала материалы из магазина неподалеку. Обычное кафе с большими окнами, за которыми всегда кто-нибудь сидел с ноутбуком или чашкой кофе.

Людное место. Хорошо.

«Во вторник в половине седьмого», — написала я.

«Договорились. Спасибо, Наталья Сергеевна».

Я положила телефон на стол.

Через минуту снова взяла.

Перечитала переписку.

В сообщениях не было ничего необычного. Мужчина представился, объяснил, зачем хочет встретиться, предложил удобное время. Не настаивал, не звонил без разрешения.

И все же я собиралась встретиться с совершенно незнакомым человеком, который имел непосредственное отношение к самому неприятному событию в моей жизни.

Я даже не знала, как он выглядит.

Открыла поисковик и набрала его имя.

Роман Лазарев.

Первой появилась страница проектного бюро. На фотографии стояли четверо мужчин возле длинного стола с чертежами. Я увеличила изображение.

Подпись помогла найти нужного.

Роман был высоким, с широкими плечами и короткими темными волосами, в которых уже хорошо виднелась седина. На снимке он не улыбался. Смотрел немного в сторону от камеры, будто фотограф отвлек его от работы.

В подписи значилось, что Роман Андреевич Лазарев руководит группой акустических проектов.

Я понятия не имела, что именно входит в его обязанности.

Открыла несколько фотографий выполненных проектов. Небольшой концертный зал, студия звукозаписи, какое-то общественное здание. Под изображениями перечислялись технические характеристики, в которых я почти ничего не понимала.

Затем нашла страницу культурного центра, где работала Марина.

На одной из старых фотографий Роман стоял рядом с женщиной в темно-синем платье. Она держала его под руку и улыбалась фотографу. Подпись сообщала о благотворительном вечере, который состоялся почти год назад.

Марина.

Я приблизила фотографию.

Светлые волосы до плеч, выразительные глаза, аккурат-

ный макияж. Красивая женщина. Это пришлось признать сразу.

Я зачем-то стала рассматривать ее руки, платье, туфли.

Пыталась представить, что именно увидел в ней Виктор.

Потом заметила, что Марина держит Романа за локоть.

Непринужденно, привычно. Как жена, которая пришла на мероприятие с мужем и не задумывается, куда положить руку.

Я знала этот жест.

Сама сотни раз так стояла возле Виктора на фотографиях. Рядом с ним приходилось часто бывать на официальных встречах, юбилеях, торжествах. Я научилась улыбаться даже тогда, когда ужасно уставала стоять на каблуках.

На фотографии Марина выглядела счастливой.

Может быть, тогда она и была счастлива.

Я закрыла страницу.

Мне не хотелось рассматривать ее дальше. От этого ничего не менялось.

Вскоре снова пришло сообщение от Романа.

«Если вам удобнее другое место, скажите. Я выбрал это кафе просто потому, что там обычно не слишком шумно».

Я ответила, что место подходит.

Он пожелал хорошего дня.

Я несколько секунд смотрела на экран.

Интересно, насколько хорошим может быть день у человека, которому жена сообщила об уходе к другому мужчине?

И почему он так вежлив со мной?

Впрочем, я сама отвечала ему так, словно мы договаривались о передаче готового заказа.

Телефон зазвонил.

Егор.

— Мам, я к тебе через полчаса приеду. Ты дома?

— Дома.

— Отлично. Я пирожные купил. Тебе какие?

— Ты уже купил или только собираешься?

— Уже купил.

— Тогда какая разница, какие мне нравятся?

— Вот поэтому я взял разные.

— Ладно, приезжай. Чайник поставлю.

Когда разговор закончился, я убрала телефон и пошла на кухню.

На столе лежала раскрытая коробка с переплетным материалом. Утром я успела проверить только половину содержимого.

В другой день обязательно закончила бы проверку, разложила ткань по цветам, сверила количество листов с накладной.

Но сегодня решила оставить все как есть.

Возможно, впервые за долгое время мне совершенно не хотелось делать полезные дела.

***

Егор приехал с большой коробкой пирожных и пакетом продуктов.

— Ты зачем столько всего купил? — спросила я, пропуская его в квартиру.

— Чтобы ты нормально ела.

— Я нормально ем.

Он посмотрел на меня.

— Мам.

— Что?

— Ты вчера за весь вечер только чай выпила.

Я не стала спорить.

Егор разулся, отнес пакеты на кухню и начал выкладывать покупки.

Хлеб, сыр, овощи, упаковку куриного филе, маленькую банку оливок, которые я любила, и два йогурта.

— Это что за набор? — спросила я.

— Я подумал, что тебе пригодится.

— Спасибо.

Он открыл холодильник.

— Ого, у тебя еды на неделю.

— Я же говорила.

— Ладно, продукты не пропадут.

Я поставила чайник и достала тарелки.

Егор ходил по кухне, открывал шкафчики, искал сахар. Все было знакомо, но после того, как он стал жить отдельно, иногда забывал, куда я что переставила.

— Сахар в верхнем шкафу, — подсказала я.

— Я знаю.

Он открыл нижний.

Я не удержалась от улыбки.

Пока вода закипала, Егор сел за стол.

— Папа звонил.

Я перестала доставать чашки.

— И что сказал?

— Спросил, как дела. Потом долго объяснял, что у вас все сложно.

— Понятно.

— Мам, а давно у него эта женщина?

Я вспомнила слова Виктора.

Несколько недель.

Потом посмотрела на телефон, оставленный возле коробки с материалами.

— Я точно не знаю.

Егор нахмурился.

— Он мне сказал, что отношения начались недавно.

— Он и мне так сказал.

— Ты не веришь?

Я села напротив сына.

— Пока не знаю, чему верить.

Он взял пирожное, но не стал есть.

— Я вчера хотел ему много чего сказать.

— Заметила.

— А сегодня утром он позвонил, начал про то, что уважает тебя, что никто ни в чем не виноват. Я спросил, зачем тогда он изменил. Он сказал, что я слишком молодой и не все понимаю.

Я вздохнула.

Это было похоже на Виктора.

Когда ему не нравился вопрос, он мог начать объяснять, что собеседник не располагает всей информацией.

На службе такой ответ, наверное, иногда был оправдан.

Но Егор не просил у отца служебный отчет. Он хотел понять, что случилось с его семьей.

— Возможно, папе самому трудно это объяснить, — сказала я.

— Тогда пусть так и скажет.

— Да.

Сын наконец откусил пирожное.

Несколько минут мы молчали.

Потом он спросил:

— А ты что собираешься делать?

— Пока работать. Потом будем заниматься разводом, квартирой.

— Ты здесь останешься?

— Не знаю. Возможно, квартиру продадим.

— Жалко.

— Мне тоже.

Егор оглядел кухню.

— Я помню, как мы сюда переехали. У меня тогда стол еще не собрали, я уроки на полу делал.

— Ты тогда еще в школе учился.

— Ну да. И уроки никто не отменял.

Я улыбнулась.

— А ты все равно тянул с ними до последнего.

— А у тебя всегда все по папкам.

Он подвинул ко мне коробку.

— Ешь.

Я взяла небольшое пирожное с кремом.

Егор смотрел, пока я не откусила.

— Доволен? — спросила я.

— Очень.

Я решила не говорить ему о сообщении Романа.

Не потому, что хотела скрывать. Просто сама еще не понимала, зачем мне эта встреча и что она может изменить.

А сыну сейчас хватало своих переживаний.

Мы поговорили о его учебе, о курсовом проекте, который он защищал на прошлой неделе, и о квартире, где он жил с другом. Потом Егор отправился искать синюю куртку.

Через несколько минут из его бывшей комнаты донеслось:

— Мам! А ты мои старые кроссовки не выбросила?

— Какие?

— Белые. Ну, которые я в школу носил.

— Егор, ты школу три года назад закончил.

— И что?

Я пошла к нему.

Сын стоял возле шкафа с курткой в руках.

— Вот видишь, нашлась.

— Я про кроссовки спрашиваю.

— Они у тебя на даче остались, кажется.

Егор задумался.

— Ладно. Неважно.

Он оглядел комнату.

Здесь почти ничего не изменилось с тех пор, как он съехал. Кровать, письменный стол, полки с книгами. Только часть вещей он забрал, а на освободившемся месте я устроила небольшой шкафчик для бумаги.

— Мам, а ты не думала, что теперь можешь тут мастерскую сделать?

Я удивилась.

— Зачем?

— Ну, раз папа съехал. Ты же дома тоже работаешь.

— Егор, квартира пока общая. И я не знаю, буду ли здесь жить.

— А, точно.

Он сел на край кровати.

— Слушай, а если тебе деньги понадобятся, скажи.

Я посмотрела на сына.

— Спасибо, родной. Но пока справлюсь.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Егор кивнул.

— Только не надо все сразу решать. Папа вчера начал рассказывать, как вы квартиру поделите. Я ему сказал, что можно хотя бы неделю тебя не трогать.

Мне стало тепло от его заботы.

И одновременно немного больно.

Еще недавно мы с Виктором вместе решали, как помочь Егору с учебой и самостоятельной жизнью. Теперь сын пытался защитить меня от разговоров собственного отца.

Я подошла и взъерошила ему волосы.

Он отстранился.

— Мам, мне двадцать один.

— Я в курсе.

— Тогда перестань.

— Нет.

Егор рассмеялся.

Впервые за два дня я почувствовала себя почти нормально.

***

В воскресенье Виктор написал, что хотел бы забрать оставшиеся вещи.

Я разрешила приехать после обеда.

Он появился без предупреждающего звонка, хотя мы договорились иначе. Я услышала знакомый звук ключа в замке, когда сидела над рабочими записями.

Виктор вошел с пустой сумкой.

— Привет.

— Привет.

Он остановился возле стола.

— Я ненадолго.

— Хорошо.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Он выглядел так, словно приехал из командировки. Темная футболка, джинсы, привычная сумка через плечо. Только теперь не собирался оставаться.

— Егор у тебя вчера был? — спросил Виктор.

— Да.

— Как он?

— Расстроен.

— Я пытался с ним поговорить.

— Знаю.

Виктор опустил взгляд.

— Он считает, что я во всем виноват.

Я закрыла тетрадь.

— А кого еще он должен винить?

— Наташа, я не хочу снова начинать этот разговор.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Виктор постоял еще немного, затем пошел в спальню.

Я услышала, как он открывает шкаф.

Через несколько минут он вернулся с двумя рубашками и спортивной кофтой.

— Ты не видела мои серые брюки?

— На верхней полке. Я вчера убрала.

Он кивнул и снова ушел.

Я поймала себя на том, что прислушиваюсь к его шагам.

Семейная жизнь состоит из тысяч повторений.

Я знала, как Виктор открывает шкаф, когда ищет нужную вещь. Знала, что сначала проверит полку слева, потом начнет передвигать плечики и обязательно спросит меня.

Раньше это раздражало.

Сейчас я с трудом удерживалась, чтобы не пойти и не помочь ему собрать сумку.

Он вернулся через десять минут.

— Наташ, насчет квартиры. Я могу попросить знакомого оценщика посмотреть ее на следующей неделе.

— Давай пока не будем.

— Почему?

— Потому что я еще не решила, что хочу делать.

— Мы все равно будем разводиться.

— Я это понимаю.

— Тогда зачем откладывать?

Я посмотрела на мужа.

— Виктор, ты готовился к этому разговору заранее. На-

шел квартиру, решил, куда переедешь. Наверное, много раз представлял, как все будет происходить. А я узнала о твоем решении три дня назад. Можно мне хотя бы несколько дней подумать?

Он опустил сумку на пол.

— Хорошо.

— И еще. Когда приезжаешь, звони заранее. Пожалуйста.

Виктор удивился.

— У меня же ключи.

— Я знаю. Но ты здесь больше не живешь.

Он долго смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Хорошо, буду звонить.

Я не ожидала, что эти слова дадутся мне так трудно.

Казалось, попросить мужа предупреждать о визите должно быть гораздо проще, чем узнать о его измене.

Но именно сейчас я впервые почувствовала, что между нами действительно появилась граница.

Виктор взял сумку.

— Я поеду.

— Хорошо.

Он уже направился к двери, когда остановился.

— Наташа, ты же понимаешь, что я не хочу делать тебе хуже?

Я устало потерла переносицу.

— Виктор, ты можешь перестать повторять это?

— Что именно?

— Что не хочешь меня обидеть. Что уважаешь. Что благодарен. Я слышала. Но мне от этого не легче.

Он хотел ответить, однако промолчал.

Вскоре входная дверь закрылась.

Я осталась одна.

В этот раз не плакала.

Вернулась к рабочей тетради и обнаружила, что уже десять минут смотрю на один и тот же список заказов.

Тогда закрыла его и пошла гулять.

***

Во вторник я проснулась раньше будильника.

Первым делом вспомнила, что вечером встречаюсь с Романом Лазаревым.

Эта мысль вызвала странное беспокойство.

Я не могла назвать его волнением перед свиданием. В конце концов, мы собирались обсудить измену своих супругов. Повода для радости не было.

И все же я несколько раз за утро возвращалась мыслями к предстоящему разговору.

В мастерской Вера заметила это почти сразу.

— Ты сегодня все время на часы смотришь.

Я подняла голову от стола.

— Разве?

— Уже третий раз за десять минут.

— У меня вечером встреча.

— С кем?

Я помедлила.

— С мужем той женщины.

Вера медленно положила ножницы.

— Наташ, ты серьезно?

— Он сам написал.

— И чего хочет?

— Поговорить.

— О чем?

— О Викторе и своей жене. Наверное, хочет разобраться, что они нам рассказали.

Вера нахмурилась.

— А ты уверена, что тебе это нужно?

— Нет.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Тогда зачем согласилась?

Я отложила линейку.

— Потому что Виктор мне почти ничего не объяснил. Он говорит, что все случилось недавно. Но с Мариной познакомился еще зимой. И я хочу понять, сколько времени меня обманывали.

— Ты думаешь, ее муж знает?

— Возможно.

Вера немного помолчала.

— А он не начнет на тебя злиться? Мужчины разные бывают.

— Мы встречаемся в кафе. Я посмотрела его фотографии, проверила, где работает. Он пока разговаривал нормально.

— Ладно. Тогда я хотя бы знаю, где ты будешь.

Она взяла со стола карандаш.

— Только не позволяй ему вывалить на тебя все подробности их отношений. Тебе потом с этим жить.

— Я и не собираюсь.

— И еще, Наташ.

— Что?

Вера подошла ближе.

— Ты ему ничего не должна. Даже если он тоже пострадал.

Я кивнула.

Эта мысль мне раньше не приходила в голову.

Согласившись на встречу, я почему-то сразу почувствовала ответственность за то, чтобы незнакомый мужчина получил нужные ему ответы.

Хотя сама не располагала почти никакой информацией.

— Спасибо, — сказала я.

Вера вернулась к работе.

Через минуту спросила:

— А он хоть симпатичный?

Я удивленно посмотрела на нее.

— Вер!

— Что?

— Мы не на свидание идем.

— Я поняла. Просто спросила.

Я покачала головой.

— На фотографии нормальный.

— Что значит нормальный?

— Мужчина. Высокий. Седина есть.

— Очень подробное описание.

Я невольно рассмеялась.

— Ты неисправима.

— Зато у меня настроение хорошее. Кто-то же должен за нас двоих.

Я вернулась к работе.

К половине шестого мы закончили с основными заказами. Я убрала инструменты, вымыла руки и пошла в маленькую комнату, где хранились наши вещи.

Посмотрела в зеркало.

На мне были темные брюки и светлая блузка. Самая обычная одежда для рабочего дня. Волосы я утром уложила, но за день они немного растрепались.

Поправила пряди возле лица.

Потом заметила, что делаю это уже второй раз.

— Не придумывай себе лишнего, — сказала я своему отражению.

И тут же подумала, что разговаривать с зеркалом тоже не самое разумное занятие.

Из соседней комнаты крикнула Вера:

— Ты там скоро?

— Да, иду.

Я взяла сумку.

Вера проводила меня до двери.

— Если будет неприятно, уходи.

— Хорошо.

— И не надо пытаться его утешать.

— Вера!

— Все, молчу.

Она подняла руки.

Я вышла на улицу.

До кафе было минут пятнадцать пешком.

Погода стояла хорошая. Днем еще грело солнце, но после шести заметно холодало. Я застегнула жакет и пошла по Садовой, обходя людей возле остановки.

По дороге несколько раз доставала телефон.

От Романа сообщений не было.

В шесть двадцать пять я увидела знакомую вывеску кафе.

Остановилась возле витрины.

Внутри сидели две женщины с ноутбуками, пожилая пара и мужчина за столиком у стены.

Я узнала мужчину с фотографии.

Он поднял голову, заметил меня за стеклом и встал.

Я на секунду растерялась.

Потом открыла дверь.

***

Вживую Роман Лазарев оказался крупнее, чем я представляла.

Высокий, широкоплечий, с крепкими руками и короткой стрижкой. На нем была темно-синяя рубашка с подвернутыми рукавами. Седина у висков делала его старше, чем на профессиональной фотографии, но мне это почему-то понравилось.

Он шагнул навстречу.

— Наталья Сергеевна?

— Да. Здравствуйте.

— Роман. Спасибо, что пришли.

Он протянул руку.

Я пожала ее.

Ладонь у него была теплая, рукопожатие крепкое, но совсем короткое.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Роман отодвинул стул.

Я села, положила сумку рядом.

На столе стояла чашка почти допитого кофе и стакан воды.

— Я пришел немного раньше, — объяснил он. — Ничего вам не заказал. Не знал, что предпочитаете.

— Спасибо. Я сама выберу.

Подошла девушка с меню.

Я попросила чай с лимоном.

Роман заказал еще одну воду.

Когда официантка ушла, мы остались друг напротив друга.

Несколько секунд оба молчали.

Я вдруг подумала, что совершенно не представляю, с чего начинать такой разговор.

Собеседования на работу проходили проще.

Там хотя бы понятно, кто задает вопросы и о чем.

Роман первым нарушил молчание.

— Простите, что написал на рабочий номер. Другого контакта у меня не было.

— Он указан на странице мастерской. Все нормально.

— Я долго думал, стоит ли вообще обращаться.

— Почему решились?

Он посмотрел на свои руки.

— Хотел услышать другую сторону. Марина рассказала мне кое-что, но я не уверен, что знаю всю правду.

Я кивнула.

— У меня примерно такая же ситуация.

— Тогда, может быть, начнем с того, что известно нам обоим?

— Давайте.

Роман немного помолчал.

— Мою жену зовут Марина Евгеньевна Лазарева. Ей

тридцать семь. Она работает в городском культурном центре.

— Знаю.

— Ваш муж — Виктор Олегович Крылов?

— Да.

Роман опустил глаза на чашку.

— Марина сказала мне о связи с ним в прошлую среду.

Я напряглась.

— В среду?

— Да. Вечером.

— Виктор рассказал мне в четверг.

Он кивнул, словно отметил про себя важную подробность.

— Похоже, они договорились, когда сообщат нам.

Меня неприятно кольнуло это «договорились».

Я представила, как двое людей обсуждают, в какой день расскажут своим супругам о расставании.

Может быть, составляли план. Выбирали подходящее время. Решали, кто из них первым начнет разговор.

А я в это время собиралась в отпуск и переживала, что Виктор слишком устает на работе.

— Похоже на то, — сказала я.

Принесли чай.

Я поблагодарила официантку, подвинула к себе чашку.

Роман подождал, пока она отойдет.

— Я хотел спросить кое-что. Только если вам не слишком тяжело.

— Спрашивайте.

— Вы давно знаете об их отношениях?

Я подняла глаза.

— С четверга.

Он нахмурился.

— Вы хотите сказать, что вообще ничего не подозревали?

— Да.

Роман откинулся на спинку стула.

Некоторое время смотрел в окно.

Потом тихо произнес:

— Значит, и здесь неправда.

Я почувствовала, как внутри все сжалось.

— Что вам сказала Марина?

Он не спешил отвечать.

— Что ваш брак давно закончился. Вы несколько месяцев фактически живете каждый своей жизнью, просто пока не оформили развод. Она сказала, что вы знаете о ней и не возражаете против новых отношений Виктора.

Я смотрела на него, не сразу находя слова.

В четверг Виктор сидел за нашим столом и говорил, что любит другую женщину.

А где-то еще существовала история, в которой я уже давно была согласна от него отказаться.

— Это неправда, — сказала я.

Роман кивнул.

— Теперь понимаю.

— Мы жили вместе. Спали в одной кровати. Обсуждали отпуск. У нас не было разговоров о разводе.

Мне стало неловко от упоминания общей постели, но я не стала исправлять сказанное.

Роман смотрел на меня серьезно.

Без любопытства, которое иногда появляется у людей, когда они узнают чужие неприятности.

— Простите, — сказал он.

— За что?

— За этот вопрос. Я не думал, что вас тоже поставили перед фактом.

Я выдохнула.

— Не извиняйтесь. Вы не могли знать.

Он взял стакан воды, сделал глоток.

— Марина объяснила, что Виктор давно собирается уходить, но откладывает разговор из-за сына. Я так понял, у вас ребенок еще учится?

— Егор на последнем курсе университета. Ему двадцать один год.

— То есть взрослый.

— Да.

— Мне она сказала, что он тяжело переживает ваши ссоры, поэтому вы решили дождаться окончания учебы.

Я невольно усмехнулась.

— Егор до прошлой пятницы даже не знал, что у нас проблемы.

Роман опустил стакан.

— Господи.

Он произнес это негромко.

Я вспомнила, как Виктор советовал мне не превращать разговор в допрос.

И вдруг поняла, что за последнюю неделю впервые разговариваю с человеком, который не пытается объяснить мне, почему я должна воспринимать случившееся спокойнее.

— А сколько времени они вместе? — спросила я.

Роман посмотрел на меня.

— Он вам не сказал?

— Сказал, что несколько недель.

Он медленно выдохнул.

— Наталья, я не хочу делать вам больнее.

— Пожалуйста, скажите.

Роман помолчал.

— Марина призналась, что почти восемь месяцев.

Я поставила чашку.

Чай плеснул на блюдце.

Восемь месяцев.

Я попыталась быстро посчитать.

Январь.

В январе мы с Виктором отмечали Новый год на даче у друзей. Потом он несколько раз задерживался на работе. В феврале ездил в командировку. В марте подарил мне цветы на Восьмое марта.

Восемь месяцев.

За это время успели смениться зима, весна и лето.

У Егора была сессия. У Виктора — отпуск в июне. Мы вместе ездили на дачу, встречались с друзьями, ходили в кино.

Однажды летом он даже предложил купить новый стол на кухню.

И все это время у него была Марина.

— Вы уверены? — спросила я.

Роман чуть нахмурился.

— Так она сказала. Точной даты я не знаю.

— А познакомились они когда?

— В декабре, на мероприятии в культурном центре. Насколько я понял, сначала переписывались, потом стали встречаться.

Я опустила взгляд.

Виктор говорил, что познакомился с ней зимой.

Значит, хоть эта часть его рассказа могла быть правдой.

— Простите, — сказал Роман.

Я покачала головой.

— Не надо. Вы же не виноваты.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Хотите закончить разговор?

Я задумалась.

Мне действительно хотелось встать, выйти на улицу и больше никогда не слышать имя Марины.

Но тогда все вопросы остались бы со мной.

— Нет, — ответила я. — Давайте еще немного посидим.

— Хорошо.

Роман не стал торопить меня.

Я сделала глоток чая. Он уже немного остыл.

За соседним столиком пожилая женщина попросила официантку принести дополнительную ложку. Кто-то открыл входную дверь, и в кафе ненадолго потянуло прохладным воздухом.

Обычная жизнь продолжалась.

Мне было неприятно сознавать, что завтра я снова проснусь, сварю кофе, пойду на работу. И теперь буду знать, что последние восемь месяцев моего брака были совсем не такими, какими я их представляла.

— А как вы узнали? — спросила я.

Роман потер пальцем край стакана.

— Марина сама сказала. В среду. Попросила поговорить, когда Лиза уйдет на занятия.

— Лиза — ваша дочь?

— Да. Ей четырнадцать.

Он улыбнулся едва заметно.

— В январе будет пятнадцать. Уже начала заранее сообщать, что хочет на день рождения.

Я тоже улыбнулась.

— Мой в этом возрасте составлял список подарков еще с октября.

— Вот. У нас примерно то же самое.

Улыбка быстро исчезла с его лица.

— Марина сказала, что хочет уйти. Что познакомилась с человеком, с которым видит будущее. Я сначала подумал, она просто устала от наших ссор.

— Вы часто ссорились?

Роман пожал плечами.

— Последний год чаще, чем раньше. Мы оба работали много. Она постоянно задерживалась на мероприятиях, я возвращался поздно с объектов. Иногда неделями разговаривали только о том, кто заберет Лизу и что купить домой.

Он помолчал.

— Но мы не собирались разводиться. По крайней мере, я об этом ничего не знал.

Мне было знакомо это чувство.

Когда человек, с которым прожил много лет, неожиданно сообщает о решении, а ты все еще находишься в середине обычного семейного дня.

— Она сейчас где? — спросила я.

— У сестры. Вещи перевезла в четверг. Потом будет искать отдельное жилье.

— А дочь?

— Пока со мной. Ей до школы от нашего дома близко. Не хочу сейчас менять ей привычный распорядок.

— Она знает?

Роман посмотрел в сторону.

— Что мы живем отдельно — да. Почему именно, мы не обсуждали подробности. Лиза, конечно, задает вопросы. Она ведь не маленькая.

Он улыбнулся с усталостью.

— Вчера сказала мне, что не собирается выбирать, кого больше любит. Я ответил, что и не прошу.

Я опустила глаза.

Егор почти то же самое сказал мне в пятницу.

— Мой сын тоже очень расстроился, — призналась я. — Хотя он уже взрослый. Сначала приехал защищать меня, потом начал покупать продукты. Сегодня написал, чтобы я не забывала обедать.

Роман посмотрел на меня с неожиданной теплотой.

— Хороший парень.

— Да. Иногда слишком заботливый.

— Это от вас, наверное.

Я чуть смутилась.

— Почему?

— Вы уже два раза спрашивали, как Лиза. Хотя мы вообще-то встретились по другому поводу.

Я не сразу нашлась с ответом.

Потом пожала плечами.

— Просто представляю, как ей сейчас тяжело.

Роман кивнул.

— Ей тяжело. Я стараюсь не делать хуже.

Он замолчал.

Я тоже.

Несколько минут мы сидели каждый со своими мыслями.

Потом Роман вдруг спросил:

— Можно задать еще один вопрос?

— Конечно.

— Ваш муж говорил, что собирается жить с Мариной?

— Он снял отдельную квартиру. Сказал, что пока будет один.

Роман слегка нахмурился.

— Интересно.

— Что?

— Марина уверена, что они скоро будут жить вместе.

Я почувствовала неприятный холод под ребрами.

— Возможно, так и будет.

— Возможно.

Он не стал высказывать предположения.

Я благодарно посмотрела на него.

Если бы Роман начал рассказывать, какие планы строят наши супруги, мне было бы гораздо тяжелее.

А он, кажется, понимал, что мы оба и так узнали достаточно.

***

— Зачем вы вообще решили со мной встретиться? — спросила я спустя некоторое время.

Роман поднял глаза.

— Не понял.

— Вы могли просто принять слова Марины. Разводиться, заниматься дочерью. Зачем вам понадобилась я?

Он задумался.

— Наверное, потому, что я чувствовал себя полным идиотом.

Ответ оказался неожиданным.

— Почему?

— Мы с Мариной пятнадцать лет прожили. Я был уверен, что хотя бы понимаю, когда она говорит правду. А после ее признания стал вспоминать последние месяцы и обнаружил, что почти ни в чем не уверен.

Я слушала.

— Она говорила, что задерживается после мероприятия. Я верил. Ездила с коллегами на конференцию. Верил. Просила забрать Лизу пораньше, потому что у нее встреча. Тоже верил.

Он замолчал.

— Я даже не собираюсь проверять теперь каждую дату. Но мне хотелось понять, что произошло на самом деле. Хотя бы в общих чертах.

Я кивнула.

— Мне тоже.

— И еще, — добавил он после паузы. — Марина уверяла, что для Виктора все давно решено. Что вы оба уже живе-

те отдельно, только формально остаетесь супругами. Я хотел убедиться, что вы действительно об этом знаете.

— Не знала.

— Теперь вижу.

Роман устало потер лицо.

— Простите. Я, наверное, зря вас позвал.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Почему?

Я некоторое время подбирала слова.

— Потому что теперь хотя бы понимаю, сколько времени мне врали.

— Не уверен, что от этого легче.

— Сейчас нет.

Роман кивнул.

Я посмотрела на него внимательнее.

Сначала он показался мне очень собранным. Прямая спина, спокойный голос, аккуратные движения. Даже вопросы задавал так, словно заранее подготовился.

Теперь я заметила, что он тоже волнуется.

Пальцы несколько раз сжимали край салфетки. Когда ему было неприятно говорить, он переводил взгляд на стакан. И прежде чем ответить на вопрос о дочери, делал короткую паузу.

Мне почему-то стало проще.

Он не был посторонним человеком, который пришел раз-

бирать мою семейную жизнь.

У него тоже все было непросто.

— А вы чем занимаетесь? — неожиданно спросил Роман.

Я удивилась.

— В смысле?

— Работаете в мастерской? Я видел страницу, когда искал ваш номер. Там написано про переплет.

— Да. Ремонтирую старые книги, семейные альбомы, иногда делаю новые переплеты.

— То есть вы реставратор?

— Не совсем. С настоящими музейными редкостями я не работаю. Для этого нужны другие условия и квалификация. У меня обычная мастерская. Люди приносят семейные альбомы, любимые книги, старые записные книжки.

— Интересно.

— Вам правда интересно?

Он посмотрел на меня удивленно.

— Конечно.

Я рассмеялась.

— Простите. Просто обычно на этом месте люди спрашивают, почему я не куплю себе принтер.

Роман улыбнулся.

И лицо у него сразу изменилось.

На фотографии он выглядел серьезным, даже немного суровым. А когда улыбнулся, возле глаз появились морщинки, и я заметила, что у него очень приятный рот.

Наблюдение смутило меня.

Я опустила взгляд к чашке.

— Принтер, значит? — переспросил Роман.

— Да. Я однажды долго объясняла знакомому, как восстанавливаю старые семейные альбомы, а он сказал, что проще отсканировать все фотографии и распечатать новые.

— Ну, для копии это подойдет.

— Для копии — да. Но людям иногда нужна именно старая вещь. С потертостями, подписями на обороте фотографий. Сами понимаете, это уже семейная история.

Роман кивнул.

— Понимаю.

Он немного подумал.

— У нас дома есть альбом. Марина когда-то собирала фотографии Лизы. Кажется, обложка уже отваливается.

Я невольно улыбнулась.

— Вот видите. Может, она специально сделала так, чтобы вы нашли переплетчика.

Роман рассмеялся.

Негромко, но совершенно искренне.

— Сомневаюсь, что настолько заранее все продумала.

Я тоже засмеялась.

И вдруг испугалась собственного смеха.

Мы сидели в кафе и разговаривали о жене, которая изменяла ему с моим мужем.

А я смеялась.

Роман, кажется, заметил, как изменилось мое лицо.

— Вы чего?

— Ничего. Просто странно.

— Что именно?

— Мы здесь по такой причине, а обсуждаем альбомы.

Он немного помолчал.

— Наверное, это даже хорошо.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что я сегодня с утра только и делал, что думал о Марине и Викторе. А сейчас уже минут пять не думаю.

Я почувствовала, как теплеют щеки.

Роман явно не собирался говорить ничего особенного. Он просто объяснил, почему разговор о моей работе оказался приятным.

Но мне неожиданно захотелось продолжить.

— А вы чем занимаетесь? — спросила я.

— Акустикой.

— Я видела. Только мало что поняла.

Он усмехнулся.

— Это нормально. Мои родственники тоже до сих пор считают, что я настраиваю колонки.

— А вы не настраиваете?

— Иногда приходится проверять, как они работают в помещении. Но вообще мы проектируем акустику залов, студий, общественных зданий. Смотрим, как распространяется

звук, чем отделывать стены, как избежать лишнего эха.

Я оглядела кафе.

— И здесь вы бы что-нибудь исправили?

Роман тоже посмотрел вокруг.

— Да.

— Что?

— Для начала убрал бы кофемолку подальше от столиков.

В этот момент за стойкой как раз включили кофемолку.

Громкий треск заставил нас обоих замолчать.

Я рассмеялась.

— Согласна.

— Еще здесь жесткие поверхности. Звук отражается от стен, потолка. Поэтому, когда людей становится больше, приходится говорить громче.

— А я думала, просто все очень общительные.

— Тоже возможно.

Он рассказал, что недавно участвовал в переделке небольшого зала, где раньше зрители жаловались, что плохо слышат речь актеров. Пришлось несколько раз менять расположение материалов, потому что строители не соблюдали проект.

— И что, получилось? — спросила я.

— Получилось. Хотя директор до сих пор считает, что все проблемы были из-за плохих микрофонов.

— Наверное, так проще.

— Намного.

Он улыбнулся.

И я снова заметила морщинки возле его глаз.

Мне вдруг стало любопытно, каким он бывает дома, когда не нужно разговаривать с незнакомой женщиной о неприятных вещах.

Наверное, шутит чаще. Может быть, бывает раздражительным после работы. Читает по вечерам или смотрит телевизор, спорит с дочерью, пытается уговорить ее вовремя лечь спать.

Я не знала.

И странным образом мне захотелось узнать.

***

К восьми часам в кафе стало заметно больше людей.

За соседний столик села шумная компания. Роман несколько раз наклонялся ближе, чтобы расслышать мои слова.

Я заметила, что у него красивые руки.

Большие ладони, широкие пальцы, коротко подстриженные ногти. На правой руке небольшой светлый шрам возле большого пальца.

Кольца не было.

Я посмотрела на собственную руку.

Обручальное кольцо все еще оставалось на пальце.

Снимать его утром я не собиралась. Даже не думала об

этом.

Теперь вдруг почувствовала неловкость.

Попыталась незаметно повернуть кольцо.

Роман заметил движение, но ничего не сказал.

За это я была ему благодарна.

Мы заказали еще чай.

Потом разговор снова вернулся к супругам.

— А вы собираетесь разводиться? — спросил Роман.

— Да. Виктор уже предложил обсудить раздел имущества.

— Быстро он.

Я пожала плечами.

— Он все решил заранее. Я пока только пытаюсь привыкнуть к мысли.

Роман кивнул.

— У нас сложнее. Лиза несовершеннолетняя, придется обращаться в суд. Мы уже говорили об этом с Мариной.

— Вы не хотите попробовать сохранить брак?

Вопрос вырвался сам собой.

Роман долго смотрел на меня.

Потом ответил:

— Я хотел. В среду, когда она все рассказала, первым делом спросил, можно ли что-то исправить.

У меня неприятно сжалось сердце.

— И что она сказала?

— Что решение приняла давно. И что уже любит другого.

Я опустила взгляд.

Почти те же слова услышала я.

— А теперь? — осторожно спросила я.

— Теперь не знаю, как можно было бы все вернуть.

Он немного помолчал.

— Я не хочу жить с человеком, который несколько месяцев придумывал, куда уходит по вечерам. Даже если она завтра передумает, мне придется как-то научиться ей верить. А я пока не представляю, как.

Я кивнула.

Мне не хотелось давать советов.

Собственный брак рушился всего несколько дней, и я совершенно не чувствовала себя человеком, который имеет право учить других.

— А вы? — спросил Роман.

— Что я?

— Если Виктор захочет вернуться?

Вопрос застал меня врасплох.

Я задумалась.

Еще вчера утром я, наверное, сказала бы, что хочу этого больше всего.

Представила бы, как он приходит, признается, что совершил ошибку, просит прощения.

Но сегодня я узнала о восьми месяцах.

И теперь не понимала, как смогла бы сидеть с Виктором за одним столом, не вспоминая, что все это время он встречался с Мариной.

— Не знаю, — ответила я.

Роман не стал требовать объяснений.

— Наверное, сейчас слишком рано об этом думать, — сказал он.

— Да.

Мы снова замолчали.

Я посмотрела на часы.

Было почти половина девятого.

Два часа пролетели незаметно.

Это удивило меня.

Я собиралась встретиться ненадолго, узнать несколько фактов и уйти.

Вместо этого сидела напротив незнакомого мужчины, обсуждала свою работу и слушала, как он рассказывает о своей дочери.

— Вам пора? — спросил Роман, заметив мой взгляд.

— Наверное. Завтра рано вставать.

— Конечно.

Он поднял руку, попросил счет.

Я достала кошелек.

— Давайте пополам.

— Не надо, — сказал он. — Я вас пригласил.

— Мы не на свидании, Роман Андреевич.

Он улыбнулся.

— Я помню.

— Тогда давайте каждый за себя.

Он не стал спорить.

Мы оплатили счет, взяли вещи и вышли на улицу.

После теплого кафе вечерний воздух показался особенно прохладным.

Я застегнула жакет.

Роман надел темную куртку и посмотрел на дорогу.

— Вы на машине?

— Нет, пешком. Мне недалеко до остановки.

— Можно провожу?

Я собиралась отказаться.

Привычно. Чтобы не доставлять неудобств, не заставлять человека идти в другую сторону.

Но Роман спросил спокойно, без настойчивости.

И мне вдруг захотелось, чтобы он прошел со мной эти несколько минут.

— Можно, — ответила я.

Мы пошли рядом.

На улице уже горели фонари. Возле библиотеки стояли подростки с самокатами, на другой стороне дороги мужчина закрывал маленький цветочный магазин.

Роман шел чуть медленнее, чем, наверное, привык.

Я заметила, что он подстраивается под мой шаг.

— Наталья, — сказал он через некоторое время.

Я повернула голову.

— Да?

— Можно без отчества?

Я улыбнулась.

— Конечно.

— Тогда и вы меня просто Романом называйте. А то я весь вечер чувствую себя на рабочем совещании.

Я рассмеялась.

— Хорошо, Роман.

— Спасибо.

Мы дошли до перехода.

Загорелся красный свет.

Рядом остановилась молодая пара. Девушка держала мужчину за руку, что-то оживленно рассказывала ему, а он улыбался и поправлял на ее плече сползший ремень сумки.

Я невольно отвернулась.

Роман заметил движение.

— Все нормально?

— Да.

— Вы замерзли?

— Немного.

— Здесь всегда ветер. Между домами.

Я посмотрела на него.

Он говорил обыкновенные вещи.

Не пытался объяснить, что мне нужно чувствовать. Не спрашивал, почему я погрустнела.

И от этого было легче находиться рядом.

Загорелся зеленый.

Мы перешли дорогу.

Возле остановки уже стояли несколько человек.

— Спасибо за встречу, — сказал Роман.

— Вам спасибо.

Он немного помолчал.

— Я понимаю, что не самая приятная тема для знакомства.

Я улыбнулась.

— Согласна.

— Не пожалели, что пришли?

Я задумалась.

Перед встречей мне казалось, что я обязательно пожалею. Что незнакомый мужчина сообщит еще какие-нибудь подробности, после которых станет совсем плохо.

Некоторые подробности действительно оказались тяжелыми.

Но почему-то сейчас мне было спокойнее, чем до разговора.

— Нет, — сказала я. — Не пожалела.

Роман улыбнулся.

— Хорошо.

Подъехал мой автобус.

Я повернулась к нему.

— Мне пора.

— Конечно. Хорошего вечера, Наталья.

— И вам, Роман.

Я поднялась в автобус, нашла свободное место возле окна.

Когда машина тронулась, Роман еще стоял на остановке.

Потом достал телефон и посмотрел на экран.

Я отвернулась.

Не знала, почему мне вообще было интересно, куда он поедет и что станет делать дома.

Может быть, напишет дочери. Может быть, позвонит сестре. Или просто вернется в квартиру, где теперь не было жены.

Я представила, как он открывает дверь, снимает куртку, заглядывает к Лизе.

И почувствовала к нему неожиданную нежность.

Тихую, совершенно неуместную.

Я ведь почти ничего о нем не знала.

***

Дома меня ждало сообщение от Виктора.

«Наташа, завтра нужно обсудить документы. Когда тебе удобно?»

Я прочитала его, положила телефон на стол и пошла переодеваться.

Восемь месяцев.

Эта цифра все время возвращалась.

Когда я снимала серьги, вспомнила февраль. Мы ходили на юбилей к друзьям. Виктор сидел рядом, подливал мне вино, обнимал за плечи.

В марте подарил букет тюльпанов.

В мае мы выбирали подарок Егору.

В июне ездили на дачу.

В августе смотрели гостиницы.

Я пыталась вспомнить, были ли признаки, которые следовало заметить.

Он часто задерживался. Но задерживался и раньше.

Иногда отходил разговаривать по телефону. Но у него всегда было много рабочих звонков.

В последнее время стал раздражительнее. Я списывала это на усталость.

Теперь любой обычный эпизод казался подозрительным.

Я остановилась возле шкафа.

Так можно было свести себя с ума.

Я не собиралась восстанавливать восемь месяцев по минутам.

Знала уже достаточно.

Взяла телефон и ответила Виктору:

«Завтра после шести могу поговорить. Но только о документах и порядке развода. Мне нужно время, чтобы разобраться с имуществом».

Он написал почти сразу:

«Хорошо. Тогда приеду к половине седьмого».

Я ответила:

«Сначала позвони».

Через минуту пришло короткое:

«Договорились».

Я убрала телефон.

Впервые за несколько дней мне удалось обозначить, что именно я готова обсуждать, а что пока нет.

Правда, от этого не стало особенно радостно.

Я налила себе воды и села на диван.

В квартире было тихо.

Ни телевизора, ни шагов Виктора, ни звука воды в ванной.

Но в этот вечер тишина уже не казалась такой тяжелой.

Я вспомнила, как Роман рассказывал о своей работе.

Как усмехнулся, когда в кафе включили кофемолку.

Как внимательно слушал, когда я объясняла, почему люди приносят старые семейные альбомы.

Странно.

За последние дни почти все спрашивали меня о Викторе.

Как я узнала, что собираюсь делать, хочу ли с ним поговорить, что будет с квартирой.

Роман тоже спрашивал.

Но потом ему стало интересно, чем занимаюсь я.

Он задавал вопросы о переплете, о заказчиках, о том, почему я люблю свою работу.

И я вдруг обнаружила, что мне приятно рассказывать.

Не объяснять, почему мой муж ушел.

Не искать причину его измены.

Просто рассказывать о себе.

Я взяла телефон.

Открыла переписку с Романом.

Последнее сообщение было о времени нашей встречи.

Мне захотелось написать, что я добралась домой.

Но я остановилась.

Зачем?

Мы не договаривались поддерживать общение.

У него своя жизнь, у меня своя.

Сегодня мы встретились, выяснили то, что хотели, и попрощались.

Наверное, на этом все должно закончиться.

Я закрыла переписку.

Через минуту телефон завибрировал.

Роман.

«Наталья, надеюсь, вы нормально добрались. Спасибо за разговор. И простите, если я задал слишком много неприятных вопросов».

Я невольно улыбнулась.

Написала:

«Добралась. Все нормально. Вы тоже не очень приятно провели последние дни, так что извиняться не нужно».

Он ответил:

«Это точно».

Через несколько секунд появилось еще одно сообщение.

«Кстати, я потом подумал о том альбоме. Дочка действительно собирала фотографии и, кажется, однажды приклеила несколько страниц каким-то ужасным клеем. Надеюсь,

это не безнадежно».

Я рассмеялась.

Ответила:

«Зависит от клея. Если это обычный канцелярский, еще можно что-то сделать. Если суперклей, придется смотреть на месте».

Роман:

«Боюсь, у нас второй вариант».

Я написала:

«Тогда ничего пока не отрывайте».

«Поздно предупреждать. Лиза уже пробовала».

«Передайте ей, чтобы больше не экспериментировала. Иначе у меня прибавится работы».

Роман прислал улыбающееся лицо.

Потом:

«Обязательно передам. Спокойной ночи, Наталья».

Я ответила:

«Спокойной ночи».

Положила телефон на диван рядом с собой.

Ничего особенного не произошло.

Просто два человека обменялись несколькими сообщениями.

Но я все еще улыбалась.

***

В среду Виктор приехал точно в половине седьмого.

Предварительно позвонил, как я просила.

Я открыла дверь, пропустила его в квартиру.

Он принес папку с документами и небольшой пакет яблок.

— Купил по дороге. Ты любишь такие.

Я взяла пакет.

— Спасибо.

Я действительно любила зеленые яблоки.

Виктор помнил.

Это было почти невыносимо.

Он сел за кухонный стол, разложил бумаги.

— Я посмотрел, как нам удобнее оформить развод. Поскольку Егор уже взрослый и мы оба согласны, можно подать совместное заявление в ЗАГС. Потом отдельно закончить имущественные вопросы.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Я еще узнал, кто может оценить квартиру. Если решим продавать, лучше не затягивать.

— Сначала посмотрим стоимость.

— Конечно.

Мы обсудили документы, которые понадобятся, и договорились выделить время для подачи заявления.

Виктор говорил спокойно, без раздражения.

Я тоже старалась держаться ровно.

Потом он закрыл папку.

— Наташ, я хотел спросить. Ты как?

Я посмотрела на него.

— В каком смысле?

— Ну, как себя чувствуешь. Справляешься?

Мне хотелось ответить грубо.

Но передо мной сидел человек, с которым я прожила двадцать два года. Я знала, что он спрашивает не из издевательства.

Возможно, действительно переживал.

Только это уже ничего не исправляло.

— По-разному, — сказала я. — Иногда нормально, иногда совсем плохо.

Виктор кивнул.

— Понимаю.

Я не стала спрашивать, что именно он понимает.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я вспомнила слова Романа.

Восемь месяцев.

Они снова встали между нами.

— Виктор, — сказала я.

Он поднял голову.

— Да?

— Когда ты в четверг сказал, что отношения с Мариной

начались несколько недель назад, это была правда?

Он заметно напрягся.

— Почему ты спрашиваешь?

Я почувствовала, как поднимается раздражение.

— Потому что хочу знать.

— Наташа, мы же договорились сейчас заниматься документами.

— Да. И я не собираюсь устраивать скандал. Просто спрашиваю, ты сказал мне правду или нет?

Виктор посмотрел на папку.

— Я не хотел вдаваться в подробности.

— Это разные вещи.

— Какие?

— Не рассказывать подробности и назвать неправильный срок.

Он вздохнул.

— Наташ, я понимаю, что ты расстроена. Но что изменится, если мы сейчас начнем считать месяцы?

Я сжала пальцы.

Мне очень хотелось сказать, что знаю.

Что вчера сидела напротив мужа Марины и слышала о восьми месяцах.

Но я не стала.

Не хотела превращать Романа в источник сведений, из-за которого Виктор начнет спорить с Мариной или пытаться выяснить, что еще мне известно.

Я сама решу, когда и о чем говорить.

— Для меня изменится, — ответила я.

— Почему?

— Потому что я хочу знать, сколько времени ты мне врал.

Виктор опустил глаза.

— Давай не сегодня.

Я смотрела на него.

Он даже не попытался повторить, что речь идет о нескольких неделях.

И это было ответом.

— Хорошо, — сказала я. — Не сегодня.

Виктор явно облегченно выдохнул.

Мы закончили разговор о документах. Он собрал папку, пообещал прислать список нужных бумаг.

Уже возле двери снова предложил помощь.

Я ответила, что пока ничего не требуется.

Когда он ушел, я села за кухонный стол.

Разложила документы.

На первом листе была копия свидетельства о браке.

Наши фамилии.

Дата регистрации.

Мне тогда было двадцать два года. Виктору тридцать один.

Я помнила, как мы выходили из ЗАГСа под мелким дождем. Подруга держала над моей головой огромный белый зонт, а Виктор смеялся, потому что ветер выворачивал его

наизнанку.

После регистрации мы поехали в маленькое кафе.

Виктор заказал шампанское, хотя я почти не пила. Потом долго искал в карманах деньги за такси и обнаружил, что кошелек остался в другой куртке.

Я расплатилась.

Он потом шутил, что уже в первый день брака оказался на моем содержании.

Я улыбнулась воспоминанию.

А затем заплакала.

Немного.

Не от того, что хотела вернуть все любой ценой.

Просто мне было жалко нас тех, молодых.

Мы тогда действительно любили друг друга.

И даже представить не могли, что через двадцать два года будем сидеть за кухонным столом и обсуждать продажу квартиры.

***

В четверг я приехала в мастерскую раньше обычного.

Вера уже разбирала материалы возле окна.

— Как вчера прошло? — спросила она.

Я сняла жакет.

— Ты про Виктора или про Романа?

Она подняла голову.

— Ого. Значит, вчера еще и Виктор был?

— Приезжал с документами.

— Ладно, начнем с того, кто интереснее.

Я посмотрела на нее.

— Вера.

— Что? Я серьезно. Про Виктора мы уже все примерно понимаем. Лучше расскажи, как прошла встреча с мужем Марины.

Я села за стол.

— Нормально.

— Наташа, если бы мне платили по рублю каждый раз, когда ты говоришь «нормально», я бы давно купила новый резак.

— Мы поговорили. Выяснили, что нам обоим многое врали.

— Что именно?

Я рассказала о восьми месяцах и о том, что Марина была уверена, будто мы с Виктором давно собирались разводиться.

Вера слушала молча.

Когда я закончила, она покачала головой.

— Как же удобно они все устроили.

— Да.

— И что этот Роман?

— Ничего. Он тоже не знал, что происходит на самом деле.

— Он спокойный?

Я задумалась.

— Внешне да. Но ему тяжело.

— Понятно.

Вера взяла коробку с бумагой и поставила на стол.

— И как тебе с ним разговаривалось?

Я удивилась вопросу.

— В каком смысле?

— Обычно. Было неприятно? Хотелось уйти?

— Сначала да.

— А потом?

Я вспомнила кафе.

Романа, который слушал мой рассказ о старых альбомах.

Его улыбку.

То, как мы смеялись из-за кофемолки.

— Потом стало легче, — призналась я.

Вера посмотрела на меня.

— Вот как.

— Только не начинай.

— Я ничего не сказала.

— У тебя по лицу видно.

Она засмеялась.

— Наташ, я вообще-то хотела спросить, не нужно ли тебе сегодня уйти пораньше. Но теперь мне интересно другое.

— Что именно?

— Он тебе понравился?

Я почувствовала, как теплеют щеки.

— Мы встретились из-за измены наших супругов.

— Я помню. Это не ответ.

Я отвернулась к полке с материалами.

— Он приятный человек.

— Ага.

— Вера!

— Все, молчу.

Она действительно замолчала.

Ровно на две минуты.

Потом спросила:

— А высокий?

Я бросила в нее свернутую салфетку.

Вера рассмеялась.

И я тоже.

После этого мы наконец занялись работой.

День получился спокойным.

Я закончила ремонт старого альбома, подготовила обложку для подарочного издания и договорилась с заказчицей о выдаче в субботу.

Несколько раз за день вспоминала Романа.

Не восемь месяцев измены Виктора.

Не красивое лицо Марины на фотографии.

А то, как Роман улыбался и говорил, что его родственники считают его настройщиком колонок.

Я замечала это и каждый раз немного смущалась.

Потому что не знала, что с таким интересом делать.

***

Вечером, когда я вернулась домой, телефон завибрировал почти сразу после того, как я сняла обувь.

Сообщение от Романа.

«Добрый вечер, Наталья. Надеюсь, день прошел хорошо».

Я улыбнулась.

«Здравствуйте. Вполне. Сегодня наконец закончила сложный заказ».

Он ответил:

«Поздравляю. Тот самый альбом?»

Я удивилась, что он запомнил.

«Нет, другой. Но тот тоже скоро будет готов».

«Понятно. А у меня сегодня наконец приняли проект, который мы переделывали третий раз».

Я написала:

«Значит, тоже есть повод для хорошего настроения».

Через несколько секунд пришло:

«Есть. Хотя я хотел написать вам не совсем поэтому».

Я остановилась посреди прихожей.

Сумка все еще висела на плече.

«Что случилось?» — спросила я.

Ответ появился не сразу.

«Ничего плохого. Я хотел бы снова вас увидеть».

Я перечитала сообщение.

Потом еще раз.

Не знала, что ответить.

Он продолжил:

«Не для разговора о Марине и Викторе. Просто с вами. Могу пригласить вас на ужин в субботу?»

Я медленно опустилась на пуфик возле двери.

Роман Лазарев приглашал меня на ужин.

Незнакомый мужчина, с которым я познакомилась два дня назад.

Муж женщины, ради которой мой муж ушел из семьи.

Все это выглядело совершенно невероятно.

Мне захотелось спросить, не ошибся ли он адресатом.

Но вместо этого я написала:

«Роман, вы меня на свидание приглашаете?»

Он ответил почти сразу.

«Да. Именно на свидание».

Я смотрела на экран, не двигаясь.

Свидание.

Когда я в последний раз ходила на настоящее свидание?

Наверное, еще до свадьбы.

Мы с Виктором часто выбирались куда-нибудь вдвоем, особенно в первые годы. Ходили в кино, рестораны, ездили на выходные за город.

Но это были встречи супругов.

Не тот вечер, когда мужчина приглашает женщину, пото-

му что хочет узнать ее ближе.

Я вдруг вспомнила, как Роман отодвинул мне стул в кафе.

Как спрашивал о моей работе.

Как проводил до остановки.

Может быть, я слишком много значения придавала обычной вежливости.

А может быть, он действительно хотел снова меня увидеть.

Я набрала:

«Мы оба только что расстались с супругами. Не слишком ли рано?»

Роман ответил через минуту.

«Может быть. Я сам об этом думал».

Я ждала продолжения.

«Но мне понравилось разговаривать с вами. И я хотел бы провести еще один вечер вместе. Без обсуждения наших бывших, если получится».

«Если получится» было честнее любого обещания.

Мы оба слишком недавно узнали о предательстве, чтобы просто забыть о нем по желанию.

Но ведь можно было попробовать хотя бы несколько часов говорить о чем-то другом.

Роман написал еще:

«Если вам пока не хочется, я пойму. Не нужно соглашаться из вежливости».

Я положила телефон на колени.

В прихожей было тихо.

На полу стояли мои туфли, рядом лежала сумка, которую я так и не убрала.

Мне было сорок четыре года.

Муж ушел от меня шесть дней назад.

Впереди был развод, раздел квартиры, разговоры с родственниками и множество неприятных решений.

Я понятия не имела, как будет выглядеть моя жизнь через полгода.

И все же сейчас мне предлагали не обсуждать проблемы, не искать виноватых, не составлять список документов.

Меня приглашали на свидание.

Просто потому, что мужчина хотел провести со мной вечер.

Я встала, наконец сняла жакет и прошла на кухню.

Открыла холодильник.

Закрыла.

Вернулась к телефону.

Написала:

«Мне нужно немного подумать».

Роман ответил:

«Конечно. Не торопитесь».

Я убрала телефон.

Приготовила ужин.

Потом позвонил Егор, и мы долго обсуждали его курсовую работу. Он спросил, как прошел разговор с отцом. Я от-

ветила, что мы договорились о документах.

Сын предложил помочь, если потребуется перевозить вещи.

Я поблагодарила.

После звонка вымыла посуду, приняла душ и легла с книгой.

Но читать не получалось.

Я все время возвращалась мыслями к сообщению Романа.

«Да. Именно на свидание».

Он не пытался скрыть смысл приглашения.

И не говорил, что я должна согласиться.

Мне это нравилось.

Я вспомнила, как в кафе он несколько раз смотрел на меня, когда я рассказывала о работе.

Не перебивал.

Не пытался закончить мою мысль.

Не отвлекался на телефон.

Возможно, для кого-то это были обычные мелочи.

Но я вдруг поняла, что за последние годы отвыкла от такого внимания.

С Виктором мы могли часами обсуждать его дела. Я слушала рассказы о коллегах, командировках, сложностях на службе.

Когда начинала говорить о своих заказах, он обычно слушал первые минуты, потом спрашивал, закончила ли я и не можем ли мы посмотреть новости.

Не всегда.

Бывали вечера, когда он действительно интересовался моей работой.

Но в последнее время их становилось все меньше.

Роман же не знал обо мне почти ничего.

И хотел узнать.

Я отложила книгу.

Взяла телефон.

Открыла переписку.

Несколько секунд смотрела на последнее сообщение.

Затем набрала:

«В субботу в семь мне удобно».

Роман ответил:

«Отлично. Я выберу место и завтра напишу вам, если вы не против».

«Хорошо».

«Спокойной ночи, Наталья».

Я улыбнулась.

«Спокойной ночи, Роман».

Положила телефон на тумбочку.

Потом вдруг вспомнила, что у меня совершенно нет подходящего платья.

Вернее, платья были.

Но одно я надевала на юбилей Виктора. Другое покупала для свадьбы племянницы. Третье уже несколько лет висело в шкафу, потому что после покупки оказалось неудобным.

Я лежала в темноте и перебирала в памяти собственную одежду.

Потом рассмеялась.

Еще неделю назад я собиралась в отпуск с мужем.

А теперь думала, что надеть на свидание с другим мужчиной.

Мне стало немного страшно.

Не потому, что я сомневалась в праве встречаться с кем-то после измены Виктора.

Просто слишком многое менялось за короткое время.

Я не знала, чем закончится субботний вечер.

Может быть, мы неловко поужинаем и поймем, что общего у нас было только несчастье.

Может быть, Роман снова начнет говорить о Марине, а я не смогу не вспоминать Виктора.

И все же мне хотелось пойти.

Очень хотелось.

Я повернулась на другой бок, поправила подушку и закрыла глаза.

Перед сном вспомнила, как Роман улыбнулся в кафе.

И поймала себя на том, что тоже улыбаюсь.

Глава 3. Первое свидание

В пятницу утром Виктор написал, что смог записать нас в ЗАГС на одиннадцать.

Я прочитала сообщение, стоя перед открытым шкафом, и поймала себя на странной мысли: завтра мне совершенно нечего надеть.

Сегодня мы должны были подать заявление о разводе, а я думала о завтрашнем свидании.

От этого стало неловко, словно я совершала что-то неприличное.

Я закрыла шкаф, достала темные брюки и первую попавшуюся блузку. Никакого значения не имело, в чем я поеду оформлять документы. Виктор видел меня во всех возможных видах, включая старую пижаму с растянутыми рукавами и зимнюю куртку, которую я носила восемь лет.

И все-таки перед зеркалом задержалась.

Провела пальцем по тонкой складке возле губ, поправила волосы.

Вчера Роман Лазарев пригласил меня на свидание.

Он написал совершенно определенно. Не предложил еще раз обсудить наших супругов, не попросил встретиться ради новых сведений.

Пригласил на ужин.

Я ответила согласием и теперь не представляла, как себя

вести.

За двадцать два года брака я почти забыла, что такое свидания с мужчиной, которого еще не знаешь. С Виктором все давно было привычным. Я могла догадаться по его лицу, понравилась ли ему еда, заранее знала, какую музыку он включит в машине и что ответит, если предложить прогуляться после ужина.

Роман оставался незнакомцем.

Красивым незнакомцем, если уж не притворяться, будто я этого не заметила.

От такой мысли щеки неожиданно потеплели.

Телефон снова завибрировал.

Виктор уточнял, взяла ли я свидетельство о браке.

Я открыла ящик стола, где лежала папка с семейными документами. Нашла нужное свидетельство, проверила паспорт.

Все было на месте.

Кроме желания ехать куда-либо вместе с мужем.

***

Возле ЗАГСа Виктор уже ждал меня.

Стоял у машины, разговаривал по телефону. Увидев, что я подхожу, коротко закончил разговор и убрал телефон в карман.

— Привет.

— Привет.

Он окинул меня взглядом.

— Как ты?

— Нормально.

— Егор вчера звонил. Говорит, заедет к тебе в воскресенье.

— Да, мы договорились.

Виктор кивнул.

— Хорошо, что он с тобой общается.

Я посмотрела на мужа.

— А почему он должен перестать со мной общаться?

— Наташа, я не это имел в виду.

— Тогда что?

— Что он тебя поддерживает.

Я поправила ремень сумки.

— Виктор, давай зайдем. Не хочу опоздать.

Он открыл передо мной дверь.

Внутри пахло свежей краской и бумагой. На стене висела фотография молодоженов, а возле окна стояла пара с маленьким ребенком. Девушка что-то тихо говорила мужчине, тот пытался успокоить малыша, который настойчиво тянулся к ее волосам.

Я отвела взгляд.

Двадцать два года назад мы с Виктором приходили в другой ЗАГС. Я была в светлом платье с узкими рукавами, он — в новом костюме, который купил специально к свадьбе.

У меня тогда страшно болели ноги.

Виктор заметил это только после регистрации и предложил купить удобные туфли, чтобы я могла нормально танцевать на нашем маленьком свадебном ужине.

Мы нашли магазин неподалеку. Он терпеливо ждал, пока я примеряла обувь, а потом нес коробку с нарядными туфлями до самого кафе.

Я помнила тот день в мелочах.

И совершенно не хотела вспоминать его сейчас.

— Наташа, — позвал Виктор.

Я подняла голову.

— Наша очередь.

Мы подошли к окну.

Сотрудница проверила документы, уточнила несколько сведений и попросила подтвердить, что решение о расторжении брака принято добровольно.

— Да, — ответил Виктор.

Я помедлила.

Сотрудница посмотрела на меня.

— Вы согласны расторгнуть брак?

Я взглянула на мужа.

Он стоял рядом, спокойный, собранный. Наверное, у него через час было совещание, и он уже прикидывал, сколько времени займет дорога.

Еще недавно я могла сказать, что не согласна.

Могла попросить его подумать, попробовать сохранить

семью, вспомнить, сколько лет мы прожили вместе.

Но теперь знала о восьми месяцах с другой женщиной.

Знала, что он заранее снял квартиру.

И что в его представлении наше расставание уже давно состоялось.

— Согласна, — сказала я.

Мы подписали заявление.

Сотрудница объяснила, когда можно будет завершить процедуру, назвала дату следующего посещения и вернула документы.

Все заняло не так много времени.

Я вышла на улицу раньше Виктора и остановилась на крыльце.

Светило солнце. По тротуару шла женщина с коляской. У перехода мужчина разговаривал по телефону, прижимая к боку букет в прозрачной упаковке.

Город жил обычной жизнью.

Для всех остальных это была просто пятница.

Виктор вышел следом.

— Подвезти тебя?

— Нет, спасибо. Я на работу.

— Мне примерно в ту сторону.

— Я лучше пройдусь.

Он не стал настаивать.

Несколько секунд мы стояли рядом.

Потом Виктор сказал:

— Хорошо, что все получилось без лишних сложностей.

Я посмотрела на него.

— Ты о документах?

— Да. И вообще.

Мне захотелось спросить, что именно он считает лишними сложностями. Мои слезы? Вопросы? Двадцать два года общей жизни, которые теперь придется делить на две части?

Но я устала.

— До встречи, Виктор.

Он кивнул.

— Если что-нибудь понадобится, звони.

Я пошла к остановке.

Только через несколько минут вспомнила, что обручальное кольцо все еще на пальце.

Сняла его прямо на улице.

Положила в маленькое отделение сумки, где обычно хранила ключ от мастерской и запасную резинку для волос.

Рука сразу показалась непривычной.

Я провела большим пальцем по светлой полоске на коже.

Двадцать два года кольцо почти не покидало моего пальца.

Теперь оно лежало в сумке рядом с ключами.

Я застегнула молнию и пошла дальше.

***

Вера встретила меня вопросом:

— Ну что?

Я повесила плащ.

— Подали заявление.

Она подошла ближе.

— Как прошло?

— Быстро. Я даже не ожидала.

— Виктор нормально себя вел?

— Да. Спросил, не нужно ли меня подвезти.

Вера недоверчиво посмотрела на меня.

— Удивительно заботливый человек.

Я невольно улыбнулась.

— Не начинай.

— А я что? Ничего.

Она вернулась к столу, где лежали подготовленные переплетные крышки.

Я вымыла руки и принялась за работу.

Сегодня нужно было закончить два заказа. Один клиент собирался забрать подарочную книгу уже в понедельник, другой просил укрепить переплет старого альбома до конца следующей недели.

Я всегда любила пятницу в мастерской.

Обычно к этому дню самые срочные дела были сделаны, а

впереди оставались спокойные часы, когда можно не отвлекаться на звонки и заниматься работой.

Но сегодня сосредоточиться никак не получалось.

Через полчаса Вера подошла и посмотрела на мой стол.

— Наташ, ты третий раз примеряешь одну и ту же ткань.

Я опустила глаза.

Она была права.

— Отвлеклась.

— Я заметила.

Вера присела на соседний стул.

— Слушай, может, тебе сегодня домой пораньше?

— Зачем?

— Отдохнешь.

Я покачала головой.

— Дома хуже. Здесь хоть делом занята.

Она кивнула.

— Тогда давай я займусь альбомом, а ты закончи маленький заказ. Там проще.

Я хотела возразить, но передумала.

— Спасибо.

Вера передвинула ко мне подготовленные листы.

Несколько минут мы работали молча.

Потом она спросила:

— А что у тебя завтра?

Я не сразу ответила.

— Вечером встреча.

Вера подняла голову.

— С кем?

— С Романом.

Ножницы в ее руке остановились.

— Опять?

— Да.

— Вы что, нашли еще какие-то подробности?

Я помедлила.

— Нет.

Вера медленно положила ножницы.

— Наташа.

— Что?

— Он тебя пригласил?

Я почувствовала, как щеки начинают гореть.

— На ужин.

Вера посмотрела на меня несколько секунд, затем улыбнулась.

— Вот это уже интереснее.

— Ничего интересного. Мы просто поужинаем.

— Вдвоем?

— Да.

— В ресторане?

— Наверное.

— И это, значит, ничего интересного?

Я рассмеялась.

— Вера, мне сорок четыре, а не шестнадцать.

— Вот именно. В сорок четыре можно не притворяться, будто мужчина приглашает тебя в ресторан исключительно ради обсуждения международной обстановки.

Я покачала головой.

— Мы оба только что расстались с супругами.

— Я помню.

— Это может оказаться плохой идеей.

Вера немного помолчала.

— Может.

Я удивленно посмотрела на нее.

Обычно она была гораздо увереннее в своих советах.

— Ты так спокойно говоришь?

— А что мне делать? Объявить, что он непременно любовь всей твоей жизни? Я его даже не видела.

— На фотографии нормальный.

— Ты уже говорила.

Я улыбнулась.

Вера отложила работу.

— Наташ, ты хочешь пойти?

— Да.

— Тогда иди. Если вечер окажется неудачным, вернешься домой. Ничего страшного не произойдет.

Я посмотрела на свои руки.

— Мне немного стыдно.

— Почему?

— Не знаю. Мы сегодня заявление подали, а завтра я с

другим мужчиной ужинать собираюсь.

Вера не ответила сразу.

Потом спросила:

— Ты Виктору что-нибудь обещала после его ухода?

— Нет.

— Вы помирились?

— Нет.

— Он отказался от Марины?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Я задумалась.

Ответа не было.

Наверное, я слишком привыкла считать себя замужней женщиной. Даже после того, как Виктор объявил о расставании, мне казалось, что я обязана вести себя определенным образом.

Не думать о мужчинах.

Не радоваться чужому вниманию.

Не выбирать платье для свидания.

— Может, ты права, — сказала я.

— Я часто права. Только ты не всегда это ценишь.

Я рассмеялась.

Вера тоже улыбнулась.

— Кстати, что наденешь?

Вот этот вопрос оказался гораздо сложнее предыдущих.

— Не знаю.

— Покажи варианты.

— Какие варианты? У меня половина платьев для официальных мероприятий.

— Значит, посмотрим то, что есть.

— Ты предлагаешь ехать ко мне и рыться в шкафу?

— Именно. Все равно сегодня муж будет занят своими делами. А я давно хотела к тебе заехать.

Я задумалась.

Возвращаться домой одной мне действительно не хотелось.

— Ладно, — сказала я. — Только сначала закончим заказ.

— Договорились.

Вера снова взяла ножницы.

Через минуту добавила:

— И не вздумай надеть ту черную юбку, в которой ты на юбилей Виктора ходила.

Я подняла голову.

— Почему?

— Ты в ней все время поправляла пояс.

— Она немного тесная.

— Вот и не надо. На свидании лучше думать о мужчине, а не о том, как дышать.

Я не удержалась от смеха.

***

Вечером мы действительно поехали ко мне.

По дороге зашли в небольшой магазин, где Вера купила сыр, виноград и бутылку минеральной воды.

— Мы же платья выбирать собирались, — напомнила я.

— И что? На голодный желудок выбирать хуже.

Дома она сразу сняла туфли и прошла на кухню.

Была уже здесь много раз, поэтому не спрашивала, где лежат тарелки и бокалы.

Я пошла в спальню.

Открыла шкаф.

На правой стороне все еще висело несколько пустых плечиков после Виктора. Я старалась не смотреть туда, но взгляд сам возвращался к освободившемуся месту.

— Наташ, — позвала Вера из кухни. — Ты там уснула?

— Сейчас!

Я достала три платья и две блузки.

Положила на кровать.

Первым примерила темно-синее платье, купленное три года назад для юбилея одного из коллег Виктора.

Сидело оно хорошо.

Но в зеркале я увидела себя рядом с мужем на официальном ужине.

Уложенные волосы, небольшая брошь, туфли на каблуке.

Я сняла платье.

Вторым было светлое, с широким поясом. Я любила его за мягкую ткань, но оно выглядело слишком летним.

Третье — зеленое, с длинными рукавами и неглубоким вырезом.

Я давно его не надевала.

Оно было простым, без блестящих украшений, зато хорошо сидело по фигуре и не мешало двигаться.

Я вышла к Вере.

Она подняла голову.

— Вот.

— Что вот?

— Это оставляй.

Я посмотрела на себя в зеркало возле прихожей.

— Не слишком обычно?

— А ты хочешь прийти в перьях?

— Вера!

— Я серьезно. Ты в нем красивая.

Я повернулась боком.

Платье мягко облегало талию и бедра. После сорока я немного поправилась. Раньше переживала из-за этого, особенно когда приходилось выбирать нарядную одежду.

Сейчас тоже хотелось втянуть живот.

Я попробовала.

Вера заметила.

— Перестань.

— Что?

— Вот это. Ты сейчас дышать перестала.

Я выдохнула.

— Мне кажется, здесь заметно.

Она подошла ближе.

— Наташ, тебе не двадцать пять. И ему, насколько я понимаю, тоже.

— Сорок девять.

— Тем более.

Я посмотрела на подругу.

— Ты хочешь сказать, что можно уже не стараться?

— Нет. Я хочу сказать, что ты хорошо выглядишь и без того, чтобы мучить себя весь вечер.

Я снова повернулась к зеркалу.

Платье действительно мне нравилось.

Я купила его сама, без повода, просто потому, что увидела в витрине и решила примерить.

Виктор тогда сказал, что зеленый цвет слишком яркий.

Я почти перестала его носить.

Сейчас ткань выглядела спокойной, глубокой, даже немного темнее, чем я помнила.

— Оставлю это, — решила я.

— Умница.

Вера отошла к дивану.

Я нашла туфли на невысоком каблуке, небольшие серьги и сумку.

Показала ей.

Она одобрительно кивнула.

— Теперь осталось только причесаться.

— Я умею.

— Надеюсь.

Когда мы наконец вернулись на кухню, было почти девять.

Я нарезала сыр, поставила чайник. Вера открыла виноград и достала телефон.

— Муж пишет, что ужин себе приготовил.

— Какой?

— Макароны. Сказал, что получилось съедобно.

Я улыбнулась.

— Хорошо вам.

Вера посмотрела на меня.

— Наташ, я знаю, что ты сейчас думаешь.

— Что?

— Что у всех нормальные семьи, только у тебя все развалилось.

Я опустила глаза.

Она угадала.

— У нас с Сашей тоже были сложные годы, — сказала Вера. — Ты помнишь, как мы ссорились, когда он хотел менять работу?

— Помню.

— Мы тогда чуть не разъехались. И сейчас иногда ругаемся. Просто у нас не случилось того, что случилось у вас.

Я кивнула.

— Я ведь правда думала, что мы с Виктором еще долго будем вместе.

— Конечно.

— Мы уже столько пережили. Мне казалось, дальше все будет проще.

Вера взяла виноградину.

— Не знаю, Наташ. Наверное, никто не может заранее гарантировать, что будет через десять лет.

Я смотрела в чашку.

— Мне теперь страшно кому-то доверять.

— Это понятно.

— А если Роман окажется таким же?

— Тогда узнаешь об этом. Не завтра же вы свадьбу играть собираетесь.

Я улыбнулась.

— Вера, мы даже не целовались.

Она подняла брови.

— Я на это очень надеюсь. Вы один раз виделись.

Я рассмеялась.

И впервые за день почувствовала, что могу спокойно говорить о завтрашнем вечере.

Не оправдываясь.

Не объясняя, почему согласилась.

Просто как женщина, которую пригласили на свидание.

***

В субботу Роман написал около полудня.

«Добрый день, Наталья. Я забронировал столик на семь в небольшом ресторане на Полевой. Там обычно спокойно, можно разговаривать. Вам подходит?»

Ниже был адрес.

Я посмотрела фотографии заведения.

Небольшой зал, деревянные столы, теплый свет, много зелени возле окон. Ничего чрезмерно торжественного.

Мне понравилось.

«Подходит. Спасибо».

Роман ответил:

«Отлично. Тогда до вечера».

Я положила телефон.

Потом взяла его снова.

Хотелось написать, что место хорошее. Или спросить, часто ли он там бывает.

Но я решила не придумывать дополнительных поводов для переписки.

В конце концов, вечером увидимся.

От этой мысли стало неожиданно приятно.

До свидания оставалось семь часов.

Я успела сходить в магазин, разобрать коробку с переплетной тканью, которую привезли на прошлой неделе, и пого-

ворить по телефону с Егором.

Сын собирался приехать завтра.

— Мам, у тебя сегодня какие планы? — спросил он.

— Вечером пойду поужинать.

— С Верой?

Я помедлила.

— Нет, с одним знакомым.

Егор ничего не сказал.

Потом осторожно спросил:

— Мужчина?

Я улыбнулась.

— Да.

— А.

Он помолчал.

— Мам, ты только не подумай, что я сейчас начну расспрашивать.

— Уже начал.

— Ну да. Извини.

Я рассмеялась.

— Все нормально, Егор. Просто ужин. Мы недавно познакомились.

— Понятно.

Он снова помолчал.

— А он хороший?

Я посмотрела на телефон.

— Пока мне кажется, что да.

— Тогда отлично.

Я не ожидала такой простой реакции.

— Ты не удивлен?

— Немного. Но, мам, ты же не обязана теперь год сидеть дома.

Я присела на край дивана.

Сын говорил спокойно, без особенной торжественности.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— Просто так.

— Ладно. Ты завтра дома будешь?

— Да. Приезжай к обеду.

— Договорились.

Когда мы попрощались, я еще некоторое время сидела на диване.

Потом пошла собираться.

В четыре часа это было явно рано.

Я поняла это, когда уже включила фен.

Пришлось выключить и заняться другими делами.

В половине шестого наконец разрешила себе открыть шкаф.

Надела зеленое платье.

Волосы оставила распущенными, только немного уложила кончики. Серьги выбрала маленькие, серебряные. Добавила немного туши и помаду спокойного розового оттенка.

Посмотрела в зеркало.

Выглядела хорошо.

Не так, как на фотографиях двадцатилетней давности. И не так, как Марина.

Просто хорошо.

Мне нравились собственные глаза, волосы, линия плеч. Платье было удобным, туфли не жали.

Я вдруг заметила, что давно не рассматривала себя без попытки что-нибудь исправить.

Повернулась перед зеркалом.

Улыбнулась.

Потом вспомнила, куда собираюсь, и сердце забилось быстрее.

Перед выходом проверила сумку.

Телефон, ключи, кошелек, помада.

Все на месте.

Вызвала такси.

И пока ждала машину, снова посмотрела на себя в зеркало.

На этот раз не стала ничего поправлять.

***

Роман ждал возле входа в ресторан.

Я заметила его еще из такси.

Он стоял у невысокого ограждения, разговаривал по телефону и смотрел в сторону дороги.

На нем были темные брюки и светлая рубашка под легкой курткой. Волосы аккуратно подстрижены, подбородок гладко выбрит.

Когда я вышла из машины, он сразу закончил разговор и убрал телефон.

Пошел навстречу.

— Добрый вечер, Наталья.

— Добрый вечер.

Он остановился передо мной и на секунду замолчал.

Потом улыбнулся.

— Вы очень красиво выглядите.

Я почувствовала, как щеки потеплели.

— Спасибо.

— Правда. Вам идет этот цвет.

Я посмотрела на него.

Виктор когда-то сказал совершенно противоположное.

Почему-то вспомнилось именно сейчас.

— Мне тоже нравится, — ответила я.

Роман улыбнулся еще шире.

— Хорошо, что совпало.

Я рассмеялась.

Он открыл передо мной дверь.

Внутри было тепло и пахло свежим хлебом.

Нас встретила девушка, проверила бронь и проводила к столику возле окна.

Ресторан оказался меньше, чем на фотографиях. Деся-

ток столов, несколько полок с бутылками, открытая стойка, за которой готовили напитки. Из соседнего зала доносилась негромкая музыка.

Мы сели друг напротив друга.

Роман снял куртку, аккуратно повесил ее на спинку стула.

Я положила сумку рядом.

И вдруг совершенно растерялась.

На первой встрече все было понятно.

Мы пришли выяснять обстоятельства измены.

А сейчас сидели в ресторане, и у меня не находилось ни одной подходящей темы.

Роман, кажется, чувствовал себя не намного увереннее.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — сказал он.

— Очень уютно.

— Я был тут пару раз с коллегами. Кормят хорошо.

— Это главное.

Он улыбнулся.

Подошел официант, принес меню.

Я раскрыла его и принялась изучать блюда с таким вниманием, словно собиралась сдавать экзамен.

Роман тоже смотрел в меню.

Несколько минут мы молчали.

Потом он сказал:

— Марина здесь никогда не была. Я специально…

Остановился.

Я подняла глаза.

Роман поморщился.

— Простите. Договорились ведь не обсуждать бывших.

Я рассмеялась.

— Вообще-то мы не договаривались. Вы только написали, что попробуем.

— Точно. Уже проваливаю собственный план.

— Ничего страшного. Я тоже сегодня чуть не сказала Вере, что Виктор не любит зеленый цвет.

Роман посмотрел на мое платье.

— Правда?

— Да.

— Странно.

— Вот видите, мы уже обсуждаем Виктора.

Он улыбнулся.

— Тогда предлагаю не делать из этого запретную тему. Иначе будем весь вечер следить за каждым словом.

Я с облегчением кивнула.

— Согласна.

— Но все-таки постараемся не посвятить им весь ужин.

— Хорошо.

Официант вернулся принять заказ.

Я выбрала рыбу с овощами, Роман — мясо и печеный картофель.

Когда официант ушел, Роман отложил меню.

— Расскажите, как прошла ваша рабочая неделя.

Я удивилась.

— Вам правда интересно?

— Наталья, вы меня второй раз об этом спрашиваете.

— Простите. Привычка.

— Тогда рассказывайте. Мне любопытно, что происходит в мастерской, где чинят старые книги.

Я немного подумала.

— На этой неделе у нас был интересный заказ. Женщина принесла семейный альбом. Ему лет семьдесят, может, чуть больше. Обложка почти развалилась, но фотографии сохранились хорошо.

— И вы его восстановили?

— Почти. Осталось укрепить несколько листов и закончить обложку.

— А что там за фотографии?

— Обычные семейные. Свадьба, дети, праздники. Несколько снимков еще довоенных, если судить по подписям.

Роман слушал.

Я увлеклась.

Рассказала, как мы с Верой искали подходящую ткань, почему решили сохранить старую обложку, хотя проще было сделать новую, и как заказчица переживала, чтобы не исчезли надписи ее бабушки.

— А вы часто так работаете? — спросил Роман.

— Как?

— С вещами, которые для людей важны не из-за стоимо-

сти.

Я задумалась.

— Часто. Наверное, большая часть заказов именно такая. Иногда приносят совершенно обычную книгу, которую можно купить за триста рублей. Но человеку нужна именно его. Потому что отец читал ее перед сном или мать когда-то оставила на полях пометки.

Роман кивнул.

— Понимаю.

— А у вас есть такие вещи?

Он усмехнулся.

— Есть старый радиоприемник. Давно не работает.

— Почему не выбросите?

— Отец подарил, когда мне было двенадцать. Я тогда постоянно его разбирал, пытался улучшить звук. В итоге сломал окончательно.

Я рассмеялась.

— И что отец сказал?

— Что теперь у меня есть возможность научиться собирать обратно.

— Научились?

— Собирать — да. Чинить — нет.

Он улыбнулся.

— Наверное, поэтому и стал инженером. До сих пор пытаюсь доказать, что умею обращаться со звуком.

Я засмеялась.

Роман смотрел на меня с явным удовольствием.

Мне стало легко.

Мы словно наконец нашли способ разговаривать, не оглядываясь каждую минуту на то, что произошло в наших семьях.

Принесли еду.

Я попробовала рыбу, похвалила соус.

Роман отрезал кусочек мяса.

— А вы давно занимаетесь переплетом?

— Почти всю взрослую жизнь, с перерывами.

— Из-за переездов?

Я подняла глаза.

Он чуть смутился.

— Вы говорили в прошлый раз, что часто переезжали.

Мне стало приятно, что он запомнил.

— Да. Из-за службы Виктора мы жили в нескольких городах. Не везде получалось найти работу по специальности. Когда родился Егор, тоже пришлось на какое-то время отложить свои планы.

— А сейчас?

— Последние годы работаю постоянно. У нас с Верой небольшая мастерская, мы делим помещение и часть расходов. Она больше занимается оформлением новых изданий, я люблю старые книги и альбомы.

— Вы так рассказываете, что мне самому захотелось туда прийти.

Я улыбнулась.

— Приходите. Только предупреждаю: у нас много пыли и вечно не хватает места.

— После наших объектов меня пылью не напугать.

Он рассказал, как однажды пришлось срочно переделывать акустическую отделку в зале, потому что заказчик решил поменять материал стен уже после утверждения проекта.

— Представляете, — сказал Роман, — мы три месяца считали, проверяли, согласовывали. А потом директор привел дизайнера, и они решили, что панели недостаточно красивые.

— И что вы сделали?

— Сначала пытались убедить. Потом пересчитывали все заново.

— Директор остался доволен?

— Очень. Особенно тем, что мы уложились в срок, который он сам же и сократил.

Я рассмеялась.

— У нас похожее бывает. Заказчик приносит альбом, просит сохранить его старым, а потом возмущается, почему на обложке остались потертости.

Роман улыбнулся.

— Люди везде одинаковые.

— Наверное.

Он отложил вилку.

— А вам самой нравится путешествовать?

Я задумалась.

— Да. Только в последние годы почти никуда не ездила просто так.

— Почему?

— Всегда находились дела. Работа, дом, поездки Виктора. Если выбирались куда-нибудь, обычно подстраивались под его график.

Я помолчала.

— А еще я люблю ездить без подробного плана. Просто гулять, заходить в маленькие магазины, находить кафе случайно.

Роман посмотрел на меня с легким недоверием.

— Совсем без плана?

— Ну, гостиницу я, конечно, бронирую.

— Уже хорошо.

— А вы все планируете?

— Стараюсь.

— Даже отпуск?

— Особенно отпуск.

— Зачем?

— Чтобы потом не выяснилось, что музей закрыт, билетов нет, а до нужного места два часа на автобусе.

Я покачала головой.

— Ужас.

— Что именно?

— Вы же на отдыхе все время будете смотреть на часы.

— Зато успею увидеть все, ради чего приехал.

— А я лучше увижу половину, но спокойно.

Роман улыбнулся.

— Похоже, нам было бы трудно путешествовать вместе.

Я подняла глаза.

Слово «вместе» прозвучало совершенно неожиданно.

Он, кажется, тоже это заметил.

На секунду между нами повисла неловкость.

Потом я сказала:

— Возможно, нам пришлось бы разделиться у первого музея.

Роман рассмеялся.

— Я бы оставил вам карту.

— А я бы ее потеряла.

— Тогда точно придется искать вас по всему городу.

Мы смеялись.

Я вдруг заметила, что совершенно не думаю о том, как выгляжу со стороны.

Не проверяю, правильно ли сижу. Не поправляю платье каждые пять минут. Не пытаюсь угадать, какая тема будет интересна Роману.

Мне было интересно самой.

И это оказалось удивительно приятным чувством.

***

После ужина мы заказали чай.

Роман предложил десерт, но я отказалась.

— Не любите сладкое? — спросил он.

— Люблю. Просто уже наелась.

— Тогда не буду соблазнять.

Он заказал себе небольшой кусок яблочного пирога.

Когда его принесли, посмотрел на тарелку и вздохнул.

— Я думал, он будет побольше.

— Вам мало?

— Для такой цены — определенно.

Он взял вилку.

— Будете пробовать?

— Нет, спасибо.

— А зря. Вдруг вкусный.

— Роман, я действительно сыта.

Он тут же убрал вилку.

— Все, понял.

Через минуту попробовал пирог.

— Кстати, очень хороший.

— Значит, не зря заказали.

— Значит.

Я смотрела, как он аккуратно разрезает десерт на небольшие кусочки.

У него были большие руки. Не особенно изящные, с заметными суставами пальцев. На правой кисти тот самый светлый шрам, который я видела во вторник.

Неожиданно захотелось спросить, откуда он.

Но я удержалась.

Мы все еще были почти незнакомыми людьми.

— А как ваша дочь? — спросила я.

Роман поднял глаза.

— Лиза? Нормально. Вчера принесла домой рисунок. Они на занятиях пробовали работать пастелью.

— Ей нравится рисовать?

— Очень. Вся комната в бумаге, карандашах и каких-то коробках. Я уже несколько раз наступал на ластики.

— Егор в школе тоже любил оставлять все на полу. Только у него были детали от конструктора.

— Вот. Значит, вы понимаете.

Он отложил вилку.

— Лиза сейчас много времени проводит в своей комнате. Сначала я переживал, что она из-за нас закрылась. Потом выяснилось, что у нее просто появился какой-то новый художественный проект.

— Наверное, и то и другое.

— Возможно.

Роман посмотрел в окно.

— Я стараюсь не спрашивать ее каждые пять минут, как она себя чувствует. Но иногда трудно удержаться.

Я кивнула.

— Мне с Егором тоже хочется постоянно разговаривать. Хотя он взрослый и живет отдельно.

— А он как относится к вашему разводу?

— Переживает. На Виктора злится. Со мной старается быть осторожным, будто я могу разбиться от любого неудачного слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.